

16+

Вера Огнева

Дети вечного марта

Книга 1

Вера Огнева
Дети вечного марта

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Огнева В. Е.

Дети вечного марта / В. Е. Огнева — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Хорошо, когда рядом настоящие друзья и ласковые девушки. Хорошо ехать на фестиваль, когда рядом те, кто тебя любит и кого любишь ты. Только вот дорога эта вымощена не лепестками роз, а костями. Доедут ли они? Доедет ли хоть кто-нибудь?

© Огнева В. Е., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вечерний дворец безмолвствовал. В сумерках тонули своды парадного зала. Выстроившиеся вдоль стен, изящные тонкие колонны напоминали иссыхающие стебли.

Невысокий легкого сложения мужчина в мантии цвета летней ночи крался вдоль стены.

Он скользил, перетекая из одной тени в другую. За малахитовым и гранитным портиками шла красная яшма. Прежние хозяева дворца постарались украсить чертог. Для этого у них было достаточно власти и времени...

Герцог Арий, припал к колонне. Красные прожилки на черном напоминали брызги крови. Кое-где они сливались в кляксы. Герцог провел тонким почти прозрачным пальцем по контуру «кровоавого» пятна. Захотелось прижаться к нему лбом. Не стал. Камень опасен. Он все запоминает. Он впитывает память. Зеркала тоже. Зеркала и камни знают все! Они – самые опасные и верные свидетели. При умелом обращении можно извлечь из них эти знания...

Вмурованное в противоположную стену, древнее как сам дворец, зеркало отразило тонкую, сутулую тень. Герцог испытал прилив раздражения. В силу некоторых особенностей собственного организма он не любил зеркала. Еще в самом начале своего правления он приказал их снять, вынести на задний двор и уничтожить. Зеркала разбились – он потом не раз пожалел о своем необдуманном порыве – осколки и те перемололи в пыль.

Единственное, оставшееся в зале приемов зеркало, было отлито из серебристого металла, секрет которого давно забыли. Его невозможно оказалось расколотить или разрезать, разве слегка поцарапать. К тому же его когда-то вмуровали в стену намертво. Избавиться от ненавистой вещи, пока не получалось. И так слишком много слухов. Хотя, герцог сделал все возможное, чтобы из дворца не вылетело ни единого слова. И – тем не менее, тем не менее...

Герцог знал обо всем, что говорится в его цитадели. Во-первых, ему регулярно докладывали. Во-вторых, он любил подслушать, оставаясь незамеченным. Раньше о нем много болтали. Теперь – редко. Когда длинные языки начали исчезать без видимых причин, челядь мгновенно замолчала. Герцогу иногда становилось в тягость, копившееся вокруг напряжение. Он его чувствовал кожей. Иногда ему даже хотелось сломать этот кокон, но он вовремя спохватывался. Пусть боятся, пусть дрожат. Страх его лучший помощник...

Арий с некоторым трудом распрямил спину, огляделся и шагнул к следующей колонне – монолиту из темного, почти без прожилок, чистого лазурита. Нынешний хозяин дворца не стал к нему прикасаться. Когда-нибудь он прикажет сломать четыре колонны, стоящие по сторонам трона. Он ненавидел лазурит только за то, что тот был камнем прежнего правителя. Подиум отправится вслед за колоннами. А трон он прикажет, выставить посреди мусорной кучи на заднем дворе. Прежний правитель почитал это кусок грубо отесанного арихалка, величайшей реликвией. Не афишируя, свое почитание, между прочим. Тайно. Осталось, над ним посмеяться. Пусть перевернется в своем склепе. Рядом пусть перевернется наследник. Останки второго наследника давно сгнили в какой-то канаве...

Теперь Арий герцог. Он – власть!

У дверей застыли часовые. Они его не видели и не слышали. Арий умел подкрадываться незаметно и появляться как бы ниоткуда. Удобное свойство. Еще он умел...

Зов зародился под ложечкой. Там вдруг шевельнулся холодный колючий комок. Герцог замер. Показалось? Нет. У поселившегося в желудке краба быстро отрастали клешни. Еще немного и он начнет щипать, а потом и грызть тело изнутри. Герцог ненавидел этого краба больше зеркал и камней. Когда-нибудь он от него избавится. А пока ничего не оставалось, как поспешить.

Часовые шарахнулись, когда из ничего образовалась тонкая стремительная фигура и тут же замерли, подняв руки в салюте.

Правитель миновал короткий коридор, открыл собственным ключом дверь в башню и начал взбираться по винтовой лестнице.

На самом верху имелась всего одна комната, окна которой, несмотря на высоту, были забраны решетками и наглухо занавешены тяжелыми черными шторами.

Зов из башни приходил раз в два, три месяца. Герцог бы многое отдал за избавление от этой повинности. Или обязанности. Или кары...

– Почему так долго? – доносившийся из вязкой темноты, голос не повышался и не понижался. В нем почти отсутствовали интонации. Но он каждый раз накрывал правителя душным колпаком чужой воли.

– Прости.

– Я никогда ничего не прощаю. Ты будешь наказан. Потом. А пока слушай: когда ты только-только занял трон, я приказал тебе отыскать некоего мальчишку. Помнишь?

– Нет... то есть да.

– Ты не выполнил приказа.

– Но это – то же самое, что искать иголку в стоге сена, – в голосе Ария против воли прорвалось раздражение. Герцог прикусил язык, однако было поздно.

– Ничтожество, – без выражения, без угрозы, просто констатация факта.

– Тело свел болезненный спазм. Кости начали выкручиваться из суставов. Ему даже воздуха не оставили и только, когда помутилось сознание, страшный голос разрешил дышать, но приказал:

– Повтори: «Я – ничтожество».

– Я ни-ч-чтожество, – выдавил герцог.

– Мальчишка тогда исчез, – как ни в чем не бывало, продолжала темнота. – Не думаю, что он погиб. Прошло двадцать лет. Он вырос. Ты должен его отыскать. Найди его и приблизь к себе. Если не получится миром, захвати и держи под усиленной стражей.

– Зачем он тебе? – человек постарался, чтобы его слова звучали искренне. – Пойми, чтобы добиться успеха, я должен больше знать...

– Много знать вредно, – усмехнулся невидимый собеседник, давая понять, что угадал лицемерие. – Единственное, что ты должен – выполнить приказ. Ты забыл, что мне не задают вопросов? Ты, кажется, вообще забыл, кто я? И кто ты?

– Я – герцог, – язык почти онемел.

– Ты – слизняк.

– Я – твой сын!

– Это не меняет дела.

Глава 1

Саня

– Мамка, а зачем звезды?

– Чтобы путники дорогу находили.

– А зачем дороги?

– Чтобы люди не потеряли друг друга.

– Мамка, а почему идет дождь?

– Спи. Завтра с тятей на поле поедешь. Будешь помогать.

– Мамка, а почему ты такая толстая стала?

– У тебя скоро сестренка родится.

– А почему не братик?

– Так колдун Зязя сказал. Он видит.

– А почему он меня зверенком ругает?

– Он не ругает. Он просто устал. Всяк к нему лезет: наворожи, да наворожи. Надоели ему все.

– А вертихвостка это зверь?

– Нет. Это соседская Лилька.

– Колдун тоже так говорит.

– Ты спать будешь, аль хворостину взять?

– Буду. А меня Лилька тоже зверенком дразнит. Шерсть, говорит у меня на спине.

– Ты рубашку не снимай, никто и не увидит.

– А на руках?

– Урожай снимем, сестренка с Божьей помощью народится, тогда и сходим к колдуну.

Он тебе шерстку на ручках выведет.

– Давай, завтра пойдем.

– Без подношения нельзя.

– А когда она народится, ты меня уже любить не будешь?

– Глупый, я тебя всегда любить буду. Ты ж мой сыночка.

– А Лилька дразнится, что меня в речке поймали. Как пескаря.

– Я ей уши надеру. Тебя нам Бог послал.

– А сестренку?

– И ее Бог послал, только другой дорогой.

* * *

За стенами сарая жарило лето. Пока бежали по городу, пока выбирались за стену, пока петляли по межам, Саня успел взмокнуть. Потом – кивок провожатого в сторону двери, высокий порог, и будто провалился в прохладные весенние сумерки. В первый момент понравилось, во второй тревожно заохлодило спину, а теперь уже и вовсе ознобно потряхивало.

Саня спрятал руки, зажал коленями. Между ладонями хлюпнуло. Сидел, нахохлившись, ничего хорошего для себя уже не предполагая.

Напротив, через стол устроился высоченный костистый мужик. Жесткие пепельные волосы свободно падали на плечи. Крупные уши тянулись вверх. Из лошадей, сразу определил Саня. Зовут Шак.

Провожатый устроился тут же, привалившись к торцу стола. Назвался: Жук. А какой он, к лешему, Жук! Жук, он чернявый, коренастый, жизнерадостный – стоит: руки в боки, глазами весело посверкивает. Жуки они на юге больше живут. А провожатый кто? То-то и оно, что

так вот, сразу не понять. Легкий, невысокий, жилистый. Лицо голое, тоже какое-то жилистое. Черты мелкие. Белые как лен, прямые волосы свешиваются на грудь. Кто?

Зря отвлекаюсь, спохватился Саня, не о провожатом надобно печалиться, а о себе.

Когда Жук подошел к нему в городе, было не до расспросов; вообще ни до чего дела не было, кроме собственных прискорбных обстоятельств. Саня как раз прятался. Спереди раскрылся воз, доверху наваленный сеном. Сзади – глубокая каменная ниша. Бежать, когда кругом сонный полудень, когда людям нет надобности спешить и они как ленивые мухи ползут от тенечка к тенечку, да и тех людей на улице всего-ничего – только себя выдать.

А удрать хотелось так, что в пятках кололо. Нарвался, так нарвался! Три недели прожил в этом городе тихо, спокойно... нет же, натура, будь она неладна, взяла свое.

Виновата была девчонка, которую Саня вечером встретил у городского колодца. Остановился попить, перебрался парой слов с черпальщиком и уже собрался топтать к себе, а тут – она. Проводите, говорит, меня, молодой человек, до дому, сама я сильно опасаюсь ночных страхов. Он тихонько хмыкнул на бабьи глупости, – откуда страхи в тихих как сухое болото Кленяках? – и пошел провожать. Сначала, как положено – к ее дому. Потом она запросилась, погулять. Они ее и пригулял к себе в каморку под городской стеной.

Между прочим, не в каждом поселении такое удобство встретишь. А все по тому, что Кленяки – место торговое. С трех княжеств сюда люди за сахаром ездят. Вот городской совет и придумал: наделать в стене комнатушек и сдавать их приезжим по грошику в день. Вход отдельный. Никто тебя не караулит, когда пришел, когда ушел. Умывальник, стол, да лежанка под пестрым лоскутным одеялом – много ли Сане надо.

До кровати они не дотянули, как вошли, она прыг на него, на пол повалила и давай целовать, будто год мужика не видела. А он, что же, он разве против? Сам, поди, давно сообразил, зачем она такие дальние прогулки затеяла.

Сначала они по полу катались, потом он ее на кровать перетащил. И понеслось. Оторвался! Девка сперва хихикала, потом урчала, потом начала орать в голос. Саня испугался – вдруг ей больно? – отодвинулся. Ага, как же! Она в него вцепилась: давай, говорит, еще. И давал. До самого утра. Утром она, только что не на карачках, уползала...

А когда ушла, спать уже и не хотелось. Саня еще немного поваялся, покусал лепешку, попил воды и пошел на рынок, искать работу.

За три недели к нему там привыкли. Знали, что работает он хорошо, не ворует, не скандалит, кому и за так поможет. Рынок место бойкое, народ туда-сюда бегаёт. Всяк своими делами занят, не до расспросов ему. За все время у Сани только раз и поинтересовались: кто таков. Он назвался. Ему поверили.

Он, не торопясь, шел с окраины к центру городка. Вольно разбросанные заросшие кленами, богатые усадьбы сменились узкими улочками, на которых дома лепились бок в бок, а где и налезали друг на дружку. Выщербленная кирпичная кладка тут и там пестрела заплатами свежей штукатурки. Где-то кривилась просевшая завалинка, где-то надменно выхорашивался каменный цоколь. Из простенков и глухих тупиков напал запах помойки. Гнилой забор, одним концом завалившись в крапивный палисадник, другим тонул в канаве. За канавой поднималась новенькая кованая загородка, за которой скучал без крыши недостроенный дом. Паучьими лапками разбегались в стороны кривые переулочки.

Саня нырял под веревки, с развешанным поперек улицы бельем, обходил выбоины и трещины в тротуаре, поглядывал, похотывал.

Дочка пекаря выложила на подоконник пышные груди, махнула ему рукой, улыбнулась. Он ей тоже улыбнулся, головой покрутил.

– За хлебом придешь? – крикнула девушка.

– Ага.

И пошел дальше, пиная подвернувшийся под ногу камешек. Свернул к колодцу, проскочил узкий переулок и вышел к рыночной площади

Ограды у рынка не было. Зато, будто на смех, стояли ворота – каменная арка с узким темным проходом. В тени Саня остановился передохнуть и осмотреться. За черной границей света-тени колготилась базарная площадь.

Девчонку он заметил сразу. Еще удивился, думал до завтра не встанет, нет, вертится посреди майдана, высматривает кого-то. Не его ли? Саня пошел к ней, растянув рот, в самой своей веселой улыбке, и уже приготовился поздороваться, а девка возьми и заори. Пальцем в него тычет и кричит: «Вот он!»

Ну, он. Я, то есть. И что?

А – то! Из-за девки вывернулся старый сухой сморчок в длинном черном халате и тоже орет: «Где?!»

Спасла реакция. Стариково «где» еще гуляло между прилавок, а парень уже улепетывал в сторону городских ворот.

Только полный идиот не узнает законного колдуна. А встречаться с сим представителем местной администрации в планы Александра никак не входило. Он с первого дня в городе сторожко присматривался да прислушивался. Выяснил: законный колдун у них старый, хворый, сильно не лютует. То есть, надо ему в тапочки насрать, чтобы он поднялся да пошел тебя ловить.

Выходит – насрал. Или люди врал? Не спросишь уже. Набегу не успеешь, а и успеешь, ответ не догонит. Только ветер в ушах – так бежал. Прыгал, перелезал, подныривал, проползал, и все – единым духом. Хорошо, хоть в коморку возвращаться не надо. Все его имущество на нем и с ним: по карманам рассовано – такая привычка, давняя уже. Лишь бы выбраться из, ставшего опасным, города. В полях его фиг поймают. А и поймают, закона такого нет, чтобы его, в поле пойманного, судить.

Ап! Саня поднырнул под очередную веревку с бельем. В конце улицы показались городские ворота. Стражники скучали, попрытавшись в тень. Может, даже спали на посту?

И пошел он тихо и спокойно, будто по своим делам путешествует. А за спиной уже шум. Спасибо тетке, которая белье на общее посмотренье развесила, не иначе все тряпки в доме собрала. Манатки напрочь перекрыли обзор. Только успеет ли он дойти до ворот? Кажется, не успеет.

Воз с сеном, косо перегородивший половину улицы, попался как нельзя кстати. За ним к тому же помстилась щель между домами. Саня, не торопясь, свернул за телегу, пригнулся, нырнул и уперся в стену.

А вот это уже плохо. Хуже некуда. И ни балкончика над головой, ни водостока. Он бы враз уцепился, подтянулся и ушел по крышам. А так – стой не дыши. Зато есть время подумать, зачем девка на него колдуна натравила. Ведь уползала довольная как сытая кошка, целовала, кусала, говорила, что любит на веки. Не в том ли закавыка? Решила оставить при себе и колдуну заплатила, чтобы изловил? А тот как раз подхватился! Щас! Или много заплатила? Ой, горюшко! А голоса все ближе. Но колдунишка, видать, плохонький – кое-как поспешает.

Теперь, что делать, если поймают? Жениться на девке Саня не станет. Он попросту не может...

За возом, с той стороны кто-то остановился. Из укрытия был виден только один пыльный, коричневый сапог. Хорошо встал незнакомец. Еще так немного постоит, и загонщики проскочат мимо, даже не подумают в нишу заглянуть.

Не проскочили, остановились.

– Лохматого парня в серой рубахе видел? – одышливо прохрипел старческий голос.

– Видел, – отозвался гад в коричневом сапоге.

– Куда побежал?

Подобравшийся Саня увидел, как незнакомец махнул рукой в сторону узкого переулочка на противоположной стороне улицы. Туда парочка преследователей и кинулась, только цветастая девкина юбка мелькнула. А владелец коричневых сапог завернул в Санино укрытие, посмотрел на парня, сказал: «Ага», выглянул наружу, вернулся:

– Давай за мной.

Какой там, спорить! Саня пролез за незнакомцем под возом, потом под веревкой, свернул за ним раз, потом еще несколько раз, и вышел к городским воротам с другой стороны. Один вышел. Незнакомец, указав, куда идти, сам будто растворился. Только что был и исчез, чтобы появиться, когда Саня уже ковылял по проселку.

Ноги отяжелели, едва только городские ворота скрылись из виду. Надо бы уйти с открытого места и – по кустам, по кустам. Не полез. Сил не осталось.

Незнакомец образовался за спиной совершенно нечувствительно. Только что никого не было, а уже шаги: скрип-скрип. Саня приготовился удирать.

– Еще метров двести, и повернешь налево, – приказал провожатый.

Послушался. Как не послушаться, если человек тебя только что вызволил из крупной неприятности?

За поворотом пошли те самые межи, по которым они еще с час петляли, пока не вышли к сараю. За это время спутник успел представиться Жуком, предупредить, что идут они в табор к арлекинам и, что главаря зовут Шак Апостол.

В сарае Сане предложили, садиться к столу. Главарь сначала смотрел из угла. Там крыша прохудилась. На полу и на серых неровных стенах лежали косые полосы света. Насмотревшись, Шак бросил провожатому несколько тихих слов. Жук не ответил.

А Саня тем временем уже дошел до крайней степени напряжения. Цыкни над ухом – порскнет, только его и видели.

Шак еще потоптался в своем углу, потом медленно подошел и уселся напротив.

– Как тебя зовут?

– Александр.

– Угу, – Апостол косо глянул на Жука. Тот пожал плечами.

– Родительница Леком звала?

– Нет.

– А как?

– Не знаю. Меня чужие люди подобрали. – Саня, между прочим, говорил чистую правду.

– Ну, а они-то как тебя кликали? – продолжал въедаться Апостол.

– Саней.

Шак собрал лоб в складки и улыбнулся, показав большие желтые зубы. Улыбка вышла до жути ненастоящей – арлекин. И страшный арлекин. Зато сразу понятно: ни одному слову он не верит.

– Человек, говоришь, – усмешка стала просто-таки зловещей.

Саня крепче зажал руки коленями. Не хватало, чтобы на глазах у чужаков когти полезли. А они полезли. Сами, сволочи! Он же еще не решил враги они или друзья. Он только насторожился. А когти – вот они. Они, гадство, его не спрашивают, когда вылезать.

– Ты кому врешь? – донеслось со стороны.

Саня быстро оглянулся. Ешь, твою трешь! Собака! Верхняя губа Жука поднялась. Под ней обнаружили клыки, не хуже волчьих. Нос заострился. Уши прижались к черепу.

Шерсть у Сани на загривке встала дыбом. Он уже готов был вскинуть руки: нате, выкусите, если сможете, когда напротив громко стукнуло. Это Шак выложил на стол свои кулаки – каждый с Санину голову. При соприкосновении с деревом, они издавали сухой копытный стук.

Значит – драка. Зачем? Саня не любил насилия. Ни в каком виде. Ни, когда – тебя, ни, когда – ты. Зачем они нарываються? Ой, дурак! Да им просто раб нужен: манатки таскать, за скарбом присматривать. Думают, вдвоем осилить и ошейник надеть.

Значит, будем драться, решил Саня. Рабом он не станет. Он – кот!

Руки легли на стол. Лапы, конечно, поменьше Шаковых копыт, но тоже весьма и весьма внушительные. Пальцы заканчивались длинными острыми как бритва когтями. Раз вжикнут по шее, и прощайся с белым светом.

Жук-собака метнулся от стола и встал у стены. А вот Шак как сидел, так и остался на месте. Копыта, правда, не убрал, но и нападать пока не стал. Саня опешил: или испугал арлекинов?

– Зачем тебе кровь, котяра? – глядя исподлобья, спросил главарь.

– Я рабом не стану.

– Он сумасшедший? – не поворачивая головы, спросил Шак у собаки.

– Не думаю. Просто, напугался парень, – отозвался тот.

– Ты какой-то совсем дикий, – озадаченно протянул Шак. – Сам подумай, кому кот в рабах нужен? Тем более нам. Мы вообще рабов не держим. Мы – свободные арлекины.

– Зачем тогда сюда привели? Зачем страшаете?

– Кто это тебя пугал?

– А чем тебе мое имя не понравилось?

– О, дает! Если ты шерсть на лапах вывел и человеческое имя присвоил, думаешь тебе все верить должны? Людей дурачь. А нас-то зачем?

Отвлекает, решил Саня, зубы заговаривает, а сам готовится. Собаку он, пожалуй, возьмет с первого рывка. Но не пропустить бы удар копытом. Если такая болванка в лоб прилетит – мозги по всему сараю брызнут.

От стены послышался короткий лающий смех:

– Ты прав, Шак, он действительно дикий. Но в городе, сам понимаешь, было не до распросов. За ним гнались. Дай, думаю, помогу коту. Поймают – кастрируют. Жалко. Молодой еще.

– Так бы сразу и сказал, – главарь обернулся к Сане. – Я к тебе, как к нормальному, а ты – драться. Когти-то убери. Сейчас девчонки вернутся, напугаешь.

Неа, не будет он убирать когти. Хоть и напруга в пальцах ослабла – не чувствовалось в собеседниках злого напора – а вдруг, таки, отвлекают?

Об арлекинах ходили самые разные слухи. Что они детей крадут, что кровь по ночам сосут, что зельями торгуют, что воры, разбойники, что людей спасают, что последним делятся, что никого к себе из чистых людей не принимают, что все поголовно колдуны, что между княжествами ходят невозбранно. В общем – вне закона.

А сам-то ты кто, – пронеслось в голове у Сани. Когти-предатели поползли, пока не спрятались совсем. Только что на столе лежали страшные лапы и уже – обычные руки. Если присмотреться, на тыльной стороне ладоней видны темные треугольники. Там когда-то росла шерстка. Еще приемная мамка ее вывела, свела Саню к деревенскому знахарю. Он пошептал и притирание дал. Долго чесалось. Да и сама шерстка была красивая. Но мамка сказала: зачем? Имя у тебя человеческое, так и представляйся человеком. А что на спине полоска из такой же шерсти, кто под рубахой видит? Чистому человеку легче в жизни, чем алларию. В нашем-то княжестве, все едино, а в других законы бывают очень даже строгие. Где и в города полулюдей не пускают.

Слово получеловек Саня не любил. Его только мамка говорила необидно. Другие так ругались. Со временем, когда пообтерся, да привык и вовсе себя человеком представлял. Почему: «полу»? Он ведь такой же, как все. Шерсть на спине растет? Так у другого вся туша курчавится. Раздень – медведь медведем. Однако, он – человек. А ты – нет. Но мир не переделаешь. Живи и приспособляйся. Когти еще! Саня одно время даже хотел их вырезать, но

как раз нарвался в поле на шайку чистюков. Они сперва не поняли, что он кот – привязались, лишь бы подраться. А как рубаху на нем рванули, да увидели спину, тут уж разговор пошел предметный: ты не имеешь права находиться на нашей земле, нечисть, погань, выродок... Когти как раз пригодились. Бежали от него те чистюки, только пыль столбом стояла.

Вообще-то он предпочитал не нарываться, и шел в те княжества, где законы позволяли жить рядом с обычными людьми, и где чистюки не встречались. Он и в Кленяки-то забрел, потому что не добраться до его родного княжества, кроме как через эти земли. По Камишеру, говорят, моровая прошла. Саня хотел повидаться с приемными родителями и сестренкой, если живы, конечно. Говорили, Камишер в последние годы сильно обезлюдел. То нашествие диких трав, то – железная саранча, то, как нынче – моровая. А приемные родители уже старенькие. Раньше нет-нет да посылали весточку. А с начала этого года замолчали.

И всего-то надо было – заработать на подорожную. Без нее через границу не пустят. Он и заработал. Осталось, заплатить и бумагу выправить. Нет же! колдун, будь он неладен, подвернулся.

Но арлекинам свои трудности объяснять не станешь. Они им даром не нужны. Что им нужно, Саня не понимает, а спрашивать не станет. Спрашивать – еще больше нарываться.

Однако обстановка как-то сама собой устаканилась и замирилась. Шак убрал со стола копыта, да и собака не казал больше клыков, стоял у стенки, ногти ковырял.

– Давай разойдемся красиво, – после долгой паузы предложил Сане Апостол, – Жук хотел тебе помочь из чисто гуманных побуждений. Его вина. Нечего! – прикрикнул он на собаку. – Не ерепенься. Каждому помогать, сам без головы останешься.

– Значит, надо было кота бросить, чтобы ему яйца оторвали?

– Его проблемы.

– Он же совсем молодой.

– Будет таким дураком, никогда не состарится.

– Да брось ты, Шак, все путем. Котик пойдет своей дорогой, мы – своей.

Саню вовсе отпустило. Удерживать силой его ни кто не собирался. Наоборот: Шак не чаял, побыстрее избавиться от глупого кота. Осталось, встать и уйти. Другое дело – куда? Подорожной у него нет. В город не сунешься, там законный колдун у ворот караулит, все глаза проглядел... Кстати, о какой кастрации речь? В этом княжестве за самовольное поселение аллария в городе, всего-то штраф полагался. Саня помнил.

– Я про кастрацию... – решился он подать голос. – Нет такого закона.

– Для всех остальных нет, а для тебя особо изобрели, – отбрил собака. – Те, двое, которые за тобой гнались, знаешь кто?

– Девка и колдун.

– Не просто девка, а колдунова дочь. Разницу понимаешь?

Саня понимал. Вернее, только сейчас понял, аж в мошонке закололо. Особым пунктом законодательства оговаривалось: соитие аллари мужского пола с лицами, принадлежащими к высшим кругам, по согласию, или без согласия последнего, карается кастрацией посягнувшего.

Дочь законного колдуна как раз теми самыми кругами и является. Тут не поспоришь.

– А она соврала, что папаша – лавочник, – заспорил Саня.

– Иди, доказывай! Судьи будут оскорбленного родителя слушать. Тебе никто слова не даст сказать в свое оправдание. И заметь, положение действует по всему княжеству, а не только в городе.

Все, приехали! Свободен аккурат до первого поста. Родитель девки, само собой, по всем перекресткам приметы разослал, а уж на границу – и подавно. Капкан!

– Иди, кот, – устало прогудел Шак. – Никто тебя держать не станет. Собаку только не забудь поблагодарить.

– Спасибо, – вежливо выговорил Саня, встал и направился к двери.

Надо бы смириться и попросить помощи. Только он не мог. Ну, никак не мог. Еще мамка приемная в свое время ругалась, что за пасынок ей достался. Другой без мыла в задницу влезет, а этого хоть режь – г-о-о-рдый!

– Стой! – рявкнул Шак, когда одна нога уже стояла на пороге. – Куда пойдешь-то?

– На улицу. Отлить.

Послать бы их подальше! За что? Да просто, никого другого рядом не случилось. Эти, кстати, не самые плохие – даже в лоб не получил. Просто, мир плох или он, Саня, для этого мира плох...

– Отольешься, возвращайся, – велел Апостол.

И будто гора с плеч. Когда есть куда вернуться, угроза, остаться перед людьми и законом совсем одному, уже не грызет, выедавая в душе лунку для страха. Он больше не думал, что ему тут придется делать. Манатки сторожить? Да – запросто. Скарб таскать? Он, что, боится тяжелой работы? Арлекина представлять? Научится, не велика затея.

За дверью охватило сухим зноем. Промокшая потом рубаха вмиг высохла и заскребла по спине соленой щеткой. Во рту давно навязла горькая слюна. Саня осмотрелся в поисках колодца. Такового не оказалось, зато в дальних зарослях блестел ручей. Туда кот и направился, по дороге окропив кустики горячей как кипяток мочой.

Рубаху и штаны он прополоскал, выжал и разостлал на низких кустиках жимолости, а сам ухнул в заводь с головой, благо воды хватало. Первым делом надо было смыть с себя пот, грязь и страх.

Запах страха Саня чуял за версту. Другие аллары, впрочем, тоже. И самому от собственной вони противно, и арлекинов злить не стоит. Сколько их всего? Лошадь, собака... Шак помянул каких-то девчонок. Эти не в счет. Неприятности могли проистекать исключительно от мужской компании. В этом Саня за свою не такую уж короткую – двадцать пять лет – жизнь убедился. С женщинами он как-нибудь договорится.

Так бы и сидел в воде. Ни вони, ни пыли, чисто, прохладно. Случись ему когда-нибудь разбогатеть, заведет себе бассейн и будет в нем плавать все лето. А зимой – в горячей ванне.

Размечтался! Вылазь давай, да поторапливайся. Тебя в сарае заждались: один с клыками, другой с копытами.

Но ни злости, ни страха уже не осталось – один интерес. Мало ли что про арлекинов болтают. Про котов тоже всякое врут: и вредные они, и ленивые, и похотливые.

А он, Саня, и добрый, и ласковый, и от работы не бегаёт. А что бродяга, так то его, свободного кота, дело.

Одежды на кустах не оказалось. Саня метнулся к захоронке, куда сложил содержимое карманов – все на месте. Вор, стало быть, пришел, когда кот уже плескался в заводи, как он прятал свое добро, не видел; похватал одежонку и был таков.

Да что же это такое! Что за день сегодня?! Не иначе, все звезды, будь они не ладны, встали парадом и скосили лучи на одного единственного несчастного кота. Ему артели представляться, а у него из одежды – один кожаный кошель, куда самое время сложить свои мужские причиндалы, завязать бантиком и в таком виде явиться пред очи Шака и собаки: вам клоун не нужен?

Саня опустил на корточки и обхватил голову руками. Надо успокоиться. Глядишь, здравая мысль придет.

– Ко-о-тик! – позвал из кустов нежный-пренежный женский голосок. – Ко-о-тик! Иди к нам. Мы тебе что-то дадим.

Он взмыл с места, легко разворачиваясь в прыжке. Над кустами, на тонких вытянутых вверх ручках, полоскалась его рубаха. Но стоило ломануться в ту сторону, одежда и руки исчезли. Остались легкий треск веток, да, удаляющийся в сторону сарая смех.

Ах, вот как! Шутники тут собрались. И он пошутит. Как умет, так и пошутит. Пусть посмотрят. Пусть посмеются, если кому охота придет.

Саня выбрался из кустов и неспешно двинулся в сторону каменной домины. Короткие кудрявые волосы на голове высохли, только несколько прядей прилипло сзади к шее. Под чистой белой кожей перекатывались мышцы. Сухая отава щекотала привычные ступни.

А вокруг – свет, воздух и тепло. И он – часть всего этого – чистый, сильный, невысокий, ладный. Круглые карие глаза сощурились, короткий немного вздернутый нос наморщился, губы разошлись в улыбке. Смешно. От колдуна ушел, с собакой и лошадью обошлось без драки – и они целы, и он тоже – жив, здоров. Девчонки одежду утащили? Это не беда. Это – просто шутка.

За дверью сарая вместе с тусклой прохладой встретил скандал. Шак гонялся вокруг стола за невысокой девчонкой в белом сарафане. Козьявка, набегу, как знаменем размахивала Саняной одеждой.

– Отдай, Солька, поймаю, уши оторву! – ревел Апостол.

– Поймай сначала.

– Стой! Парень и так чуть с ума не рехнулся.

– А пусть выкупит свое добро. У него кошель есть. Я видела.

– Мало ли что ты видела. Он дальше с нами поедет. Не стыдно, товарища грабить?

– Ой!!! – Девушка увидела вошедшего в сарай Саню.

– Ой! – Донеслось из другого угла. Там на ворохе травы сидела еще одна девчонка. Лицо она прикрыла ладошками. Кот пуще развеселился. Скромница-то, как пить дать, между пальцами подсматривала.

Шак, пользуясь замешательством воровки, перегнулся через стол и, наконец, завладел, злополучными тряпками.

– Ты не Фасолька. Ты – свинюшка. Смотри, до чего парня довела.

– Смотрю. И чем дальше, тем больше смотреть хочется, – девушка показала Шаку язык.

Тот через весь сарай кинул штаны и рубашку владельцу. Саня их, не торопясь, развернул, встряхнул и, только убедившись в целостности и сохранности, начал одеваться.

– Ну, давай знакомиться по новой, – предложил Щак, усаживаясь на свое место у стола. С торца – собака. Девчонки хихикали в углу. К разговору их особо не приглашали, но и не гнали. Такой тут порядок, понял Саня.

– Мое имя ты знаешь. Что я лошадь и так видно. Собаку зовут Эд.

– Как?

– Эдвард.

– А Жук?

– Это... что-то вроде сценического псевдонима. Он у нас выдумщик. В каждом княжестве придумывает себе новое имя.

– Тогда почему именно Жук?

– Тут, на северо-западе, о южанах знают только понаслышке. А собака любит тумана напустить. Шутник он у нас.

Ага, шутник, как иначе? Мало ли что он тут нашутит, а по другим княжествам будут искать жука с внешностью столь неприметной, что увидел, чихнул и забыл. Однако занОзиться Саня не стал. Ему оно надо? Нет. Ему как раз стало хорошо и спокойно. Шак с ним разговаривал не как хозяин-наниматель, как старший товарищ. А это очень большая разница. Собака, конечно, шутник, кто спорит. Так замаскироваться! Не только стражу и законного колдуна, Саню, природного кота, который аллари с полуслова, с полувзгляда, с одной понюшки чуял, провел. И девчонки нормальные. Та, которая в светлом сарафане – вообще красавица. Лицо кругленькое, румянец во всю щеку, зубы белые – цветочек. Вторую Саня, как следует, пока не рассмотрел, но тоже молодая.

– Эй, парень! – окликнул Шак. – С девушками потом познакомишься. Давай представляйся по всем правилам.

– Александр.

– Ты нас за дураков держишь? – устало спросил Апостол.

– Нет. Правда. Меня приемные родители в реке выловили. Я в корзине плыл. Корзина по сей день, наверное, жива. Мамка в ней репу хранит. – Саня остановился, поняв, что от волнения понес лишнее. Какое арлекинам дело до его корзины? Но, опять же, кроме нее да записки, подсунутой под спящего на дне ребенка, ничего от прежней Саниной жизни не осталось. То есть вообще ничего. Он не помнил, кто он и откуда. Хотя, мамка говорила, подобрали его отнюдь не младенцем, лет пяти был пацан.

А теперь походи и докажи чужакам, что ты не врешь. Ладони опять взмокли. Самое время спрятать между коленями, да постараться унять когти.

– Шак, – подала голос вторая девушка. – Он правду говорит.

– Смотри, не ошибись, Цыпа.

– Он действительно не знает, кто его настоящие родители.

– Ну, а имя-то, откуда взялось?

– Ко мне записка прилагалась, – поторопился разъяснить Саня. – Прочитали, много позже, когда проезжий грамотей в деревне случился.

– А батистовые пеленки и золотой медальон в той корзине не находили? – издевательски спросил собака?

– Я уже большой был. В штанах и куртке...

– И так вот, просто, люди кота усыновили? – в свою очередь усомнился Шак.

– Я из Камишера.

– А-а. Тогда, понятно. Слышал, что в твоём Камишере творится?

– Да. Я туда как раз шел, своих хотел проведать.

– Стоп! – Вскинул руку Эд. – С этого места поподробнее.

– Что?

– Прошение на визу подавал?

– На подорожную?

– На нее, на нее.

– Подавал.

– Заплатил?

– Те деньги сначала надо было заработать.

– Что указал в прошении?

– Иду, мол, навестить родной дом.

– Доложился по всем правилам? Котом себя отрекомендовал или человеком?

– Человеком, – потупился Саня.

– Странно...

– Что странно? – насторожился Шак.

– Да это я – так. Размышляю. Парень, похоже, не врет. Другое дело, почему ему сразу не сказали, что граница с Камишером закрыта.

– Как закрыта?! – вскинулся кот.

– Накрепко. Оттуда можно, а туда – ни-ни. Мы дошли до кордонов и повернули. Стража на наши подорожные даже смотреть не стала. Говорят, там вообще живых нет. Да погоди, ты, – остановил он, заволновавшегося парня. – Еще говорят, туда для наведения порядка прибыл отряд герцогских егерей. А еще говорят, там объявилось особо поганое чудище. Ловят всем княжеством, а чтобы тварь не сбежала, границы закрыли. Короче: никто ничего толком не знает.

– Думаю, заплати парень, дали бы ему бумагу и отправили на границу, а там вернули, мол, новое приказание случилось ровно за три минуты до его прибытия. Сразу денег не нашлось – позволили заработать и напустили на него девку. Осталось поймать нарушителя, деньги отобрать, а заодно хозяйство отрезать, чтобы другой раз не баловал.

Шак рассуждал будто о покупке сена, но от его спокойствия только больше пробирало.

– Стоило ли городить такой огород из-за его медяков? – заупрямился Эд. – Сколько они за визу просили?

– Марку.

– Не сходится.

– Угум. – Согласился Шак. – Сидим тут с тобой, из головы выдумываем. Между тем, все просто: деньги сами по себе, девка – сама по себе. Будем считать, нарвался котяра.

– Наверное, ты прав, – нехотя согласился Эд. – Но в последнее время столько непоняток. Возня какая-то...

– Ладно. Проехали. Давай думать, как из этого поганого княжества выбираться.

– И – в какую сторону, – подала голос Фасолька.

– Ой, только не начинай свою песню с начала! – одернул ее Апостол. – На юг мы точно не поедem. Для начала направимся в Венс.

– Там в город не пускают. Опять по сараям ютиться? Скоро зима...

– Отстань. Во-первых, зима еще не скоро. Во-вторых, я тебе шубу купил – не завянешь.

Саня молчком озирал компанию. Шак сидел ссутулившись. Кулаки покоились на столе. Собака скользил вдоль стены. Легко так, бесшумно, будто не кованные сапоги на ногах, а мягкие ичиги. Мастер! Девчонки приуныли. Видимо, и второй тоже хотелось на юг.

Чего не скажешь о Сане. Он там целый год прожил. Летом жара, не продохнуть. Зимой сыро. Весной и осенью вообще – труба. В эти два нелегких сезона ему и на севере-то не очень. Кошачья натура своего требует. Каждая девушка красавицей кажется. А в южных княжествах женщине без провожатого шагу ступить не дают. Там они на особом положении. Женщина – жемчужина в оправе из аметистов, женщина – свет очей ее господина. Ее глаза миндаль, ее щеки – персик... Вай! Красиво звонят. А на деле: эти персики по тридцать штук взаперти сидят и на одного мужика за ткацкими станками горбатятся. Любая бродяжка – будь она, хоть старя, хоть страшная – все равно мигом окажется чьей-то женой. Там в марте коту впору удавиться. Если девчонки Шака уломают, и он повернет на юг, идти с ними Сане ровно до ближайшей границы. За ней распрощается. Но стоит ли говорить об этом сейчас? Не стоит, наверное.

– А давай, только зиму у моря проведем и сразу назад, – не отставала Фасолька.

– Уймись, пока я тебя не прибил, – развернулся к девушке Шак. – Забыла, как мы тебя из серала вытаскивали? Спасибо Ципе, без нее бы вообще не нашли. Обратило захотело? Думаю, Зомар-бей тебя по сей день ждет, в окошко смотрит: где моя ненаглядная горошинка, где моя любимая фасолинка...

– Все! Молчу! Только не поминай эту зверюгу.

– Представь, котейка: мы только границу перешли, а на нас уже налет. Отряд, человек пятнадцать, все вооружены. Какое там, обороняться. Стоим ждем, что будет. Они нам мирно предложили остановиться, осмотрели, оцупали. Нас собакой и Цыпу не тронули, а Фасольку, без объяснений – в мешок. Расскажи котику, девочка, что он там с тобой делал?

– Не надо, Шак! Я же просила.

– Нет уж, давай, рассказывай.

– Что, что... что и остальные. Только непрерывно всю неделю, пока меня Цыпа не нашла.

Поест, поспит и опять – снова да ладом. Думала, сдохну.

– Силен мужик! – без всякого, впрочем, восторга оценил бея Саня.

– Да он сам чуть не окочурился, – презрительно выпятила губку Фасолька. – До того дошло: его двое слуг на меня укладывали, ну и там еще... помогали.

– Да называй ты вещи своими именами, – расхохотался Собака.
– Отстань. И знаешь для чего? – повернулась девушка к коту.
– Вроде понятно... Постой, неужели он приплода добивался?
– Угу. Такую картину обрисовал, не будь я связана, глаза бы ему выцарапала, и все выступающие части оторвала, начиная с головы. Говорит: ты мне горошин народишь, а я их в гаремы стану продавать. Озолочусь. Дриады и так большая редкость, а на Юге их вообще не сыскать.
– Он, что, дурак? – Сане не верилось, что такие тупые еще где-то водятся.
– Именно. Зато богатый и разведка у него самая мощная на побережье. Он за три дня до нашего приезда знал: сколько нас и когда будем на границе.
– Все! Поболтали, пора собираться, – оборвал Фасольку Шак. – Котьяра, помоги собаке запрягать. Умеешь?

– Умею, – откликнулся Саня.

Обращение его покорило. Котьяра, разумеется, кто спорит. Но как-то оно... или проведя несколько лет исключительно среди людей, он попросту отвык? Сказать? А зачем? Может, и идти-то с ними до первого перекрестка. Если...

Кольнуло подозрение. Вполне может статься, довезут его до ближайшего пограничного кордона и там продадут. Кота-нарушителя ищите? А – получите. Деньги вперед.

– Что застрял? – прикрикнул на него от двери Шак.

– Думаю.

– Сказать о чем? – ядовито поинтересовался собака. – Не сдадим ли мы тебя по сходной цене на первом посту? Верно?

– Есть такая мысль.

– Не сдадим. И либо ты нам веришь, либо уматываешь сейчас же. Нам с тобой валандаться некогда.

Шак вышел из сарая, собака дожидался у двери. Девчонки начали выбираться из кучи сена, в котором уже просидели лунку.

А на него, между прочим, никто не давил. Хотели бы они его продать, уговаривали бы, поди, да золотые горы на шелковых коврах сулили. И как только Саня про себя этот факт отметил, так сразу и решился:

– Я – с вами.

– Пошли запрягать.

Ни восторга, ни недовольства – один голый факт.

Лошади у арлекинов были справные. Не лошади – картинки. Апостол каждую огладил, охлопал и только после этого передал Эдварду. Одна телега шла под круглым тентом. С другой навес сняли.

– Он раскрашен для представлений. Убрали, чтобы не выгорал, – тихо пояснила Цыпа.

Ее только теперь удалось разглядеть в подробностях. Бедная девушка! Саня не стал пялиться.

Она вся была как лезвие: узкие плечи, узкая, некрасиво скругленная спина, узкие бедра. И лицо тоже. Смуглая, смуглая. Глаза черные, круглые. Зато рот широкий. Влажно поблескивали, полные губы. Да еще длинный кривоватый нос. Не мудрено, что она все время норовит забиться в тень.

Он быстро приноровился к работе. Собака дело знал и понапрасну не дергал. Когда обе телеги встали, как и положено – за лошадьми, дошла очередь до мешков и коробов. Тут Шак действовал в одиночку. Ну и силушка! Апостол без труда ворочал там, где и двоим трудновато, станет. В конце открытой телеги встал плетенный из лозы сундук.

– Полежай, – скомандовал главарь Сане. – Цыпа сядет сверху.

– Не полезу. Я там задохнусь.

– Ни черта тебе не сделается. Сундук со сквознячком. Зато никто тебя, такого на сегодняшний день знаменитого не увидит. Или желаешь ехать на облучке и зазывать народ на представление? У них тут давненько кастрации не было. Не каждый день пакостливые коты в Кленьки забегают. – К концу тирады Апостол ревел.

А ты как хотел? – закручинился внутри себя кот. Назвался товарищем, изволь соответствовать. И никто не обязан тебя уговаривать. Велено, лезть в сундук – полезешь. Мать ее! Так и продадут в упаковке.

Саня откинул легкую крышку и остолбенел. На дне сундука лежали книги.

– Тут...

– Забирайся. Назначаю тебя на весь переход хранителем библиотеки, – осклабился Эд. Саня начал разуваться. Иначе не мог! Нога не поднималась.

– А ты говоришь: дикий, – крикнул собака Шаку. – Глянь, какой культурный кот нам попался.

– Заткнись, Эд. А ты засунь ботинки подальше, чтобы на виду не валялись. Но учти, с перепугу попортишь книги, я тебя убью. Не фигурально, а буквально. Разницу понимаешь?

– Понимаю.

К концу перепалки кот успел обидеться. За полудурка они его тут держат? А он, между прочим, почти год работал у учителя. Тот его и читать, и писать научил. Вернее, Саня сам выучился.

Тот год начинался тихо и спокойно. Каждый день с утра, нанятый на ярмарке в соседнем княжестве, работник запрягал двуколку. Вечно всем недовольный учитель, ехал в замок владетельного синьора. К вечеру он возвращался еще более недовольный и все оставшееся до сна время, возмущался сиятельной тупостью. Учить грамоту отпрыск барона решительно отказывался. А поскольку, кроме работника общаться учителю было не с кем, он и тирады свои строил как бы полемизирую с Саней.

– Нет, вы только посмотрите, уважаемый, – длинный хрящеватый палец грозил в низкий потолок, – что он тут пишет!

Уважаемый в это время скреб пол, чистил одежду или варил обед. Поначалу Саня не вникал. Если человеку интересно самому с собой разговаривать, зачем мешать? Однако со временем монологи учителя стали длиннее, а главное ядовитее. Он уже не называл баронета неофитом, а исключительно ослом; тыкал пальцем в исписанный листок и призывал в свидетели все четыре стихии. Надрывался, одним словом. Сане стало его жалко. Слово за слово, он выпросил у нанимателя про азбуку, а там, с непонятной для самого себя легкостью за каких-то две недели выучился читать. И пошло: учитель на работу, Саня – за книжки. Жаль, их было совсем не много. Учебники в основном. Кот их буквально проглотил.

А однажды ему попалась книжка про несчастную благородную девушку, которая так страдала от жестоких родителей, что в конце побежала топиться. Саня сильно переживал. Два дня кусок не лез в глотку. Он даже решился спросить у хозяина, утопилась она или передумала. Лучше бы не спрашивал. Поняв, о чем речь, тот заорал как обкраденная торговка. И дубина-то Саня и недоумок и даун какой-то. Нет, что бы теорией возникновения мира интересоваться или происхождением видов, или древней историей. Сумасшедшая девка ему нужнее! Не знает учитель, что с ней случилось, и знать не хочет. А и утопилась бы она – все лучше, чем дурой прозябать.

– Дубье! – орал учитель – Вам бы только нажраться, и с девками в кусты. Я жизнь положил, чтобы вывести вас к свету. А вам лишь бы копошиться в дерьме. Даже, работая у меня, в колыбели учености, ты не придумал ничего лучшего, как читать сочинение о безмозглой девке. Тебя не интересует химия, тебя не интересует королева наук математика, тебе наплевать на географию. Тебе подавай пошлую историю жизни никчемной женщины.

Насчет точных наук он ошибался. Саня хотел его поправить, но послушал еще немного и передумал. Тот, похоже, разговаривал не с ним, а опять же с самим собой. И пусть его. Сам – даун. Женщины, видите ли, ему не нравятся.

И стало коту подозрительно. Он с этой, только что проклюнувшейся, подозрительностью глянул на учителя: худой, длинный, злой. Сюртук от перхоти не вытряхнуть. Жизнь он на учение положил! Ври больше. На честолюбие он жизнь положил. Такому не учить, а только поучать. А тот, наконец, обратил внимание на замершего работника и угрожающе протянул:

– Тебя кто ко мне подослал?

– Никто.

– Врешь! Деревенским сказку расскажи, как грамотный в золотари пошел. Где учился?!

– Да у вас тут. Не велика затея. Буквы все нарисованы, знай, складывай, – Саня кивнул на азбуку.

– Учти, – хозяина всего затрясло, слюни на полметра полетели. – Учти, если кому расскажешь, я от всего отопрусь. Я...я... я сейчас к барону поеду и все ему доложу. Пусть-ка его палач с тобой потолкует.

Сорвавшись с места, учитель лихорадочно забегал, хватая то куртку, то зонтик, то шляпу. Того и гляди, босьмя в замок наладится.

Саня обозлился. На учителя, само собой, но и на себя тоже. Потерял опаску, расспрашивать сунулся. Если психоватый учитель нажалуется, со стороны владетельного синьора могут последовать самые радикальные меры. А как дознаются, что Саня не человек, а аллари, вообще дело может кончиться плахой.

– А я барону расскажу, какими словами вы его отпрыска тут каждый день поминали. Осел, значит, баронет, недотепа и даун. Синьору будет очень даже интересно послушать. Вы и про него говорили, – мстительно продолжал Саня. – Что самодур, что тупица, что покушение на герцога готовит.

Последнее – суший бред. Покушение Саня придумал, для сгущения красок. Однако учитель враз остановился, тросточку и шляпу бросил на пол и с ужасом воззрился на работника.

– В-о-о-н!!! – завизжал. – В-о-о-н!!!

Лицо у болезного пошло пятнами. Того и гляди, в падучую наладится.

А и хрен с тобой! С такими только таской, ласку они не понимают. Они ее не ценят, а пуще – боятся.

Но так просто Саня уходить не хотел. Собрал вещички, завязал и кинул на плечо легкий мешок, обул башмаки и вернулся в комнату.

– Жалование за семь месяцев попрошу.

– Что! – взревел, уже поостывший хозяин. – Какое тебе жалование?

– А я барону расскажу как вы...

– На, подавись! – учитель кинулся к шкафчику, путаясь в ключах, отомкнул, выдернул из него шкатулку, открыл и кинул работнику несколько марок. Деньги раскатились по полу. Это – ничего. Саня их аккуратно подобрал, даже под кровать, куда последняя укатилась, слазил; пересчитал – хватит – развернулся и вышел, на прощание громко бухнув дверью.

Только начало смеркаться. Сугробы подтаяли. Воздух отдавал холодной колодезной сыростью. На небе торчал огрызок бледной луны. Дорога раскисла. Внизу у подножья холма лежало баронское село. За ним – тракт. Саня пошел в ту сторону, но у крайних домов свернул. На отшибе стояла слобода аллари. Он в ней так ни разу и не побывал, наоборот, обходил за версту. Людей дурачить – одно. Этих черта с два проведешь. Сам такой.

Обогнув длинный кривой забор, он выбрался на единственную слободскую улицу. Кругом никого. Во дворах кудахтали куры. Голосил петух. Мекали овцы в сарае. Тихо, мирно, спокойно. Поселиться бы здесь, да жить рядом с такими же как он. Землю пахать. Он все умеет. Заведет себе животинку, станет хозяином. Ага, так ему и дали. Тут же барон явиться: предъ-

яви бумаги – кто такой, откуда родом, разрешение на поселение, взнос за аренду земли, поручительство общины, рекомендации от законного колдуна. А из-за баронского плеча учитель выглядывает, да фиги крутит.

Слобода, а с ней и пустые мечты, остались позади. Саня остановился у последнего дома. На завалинке сидел старый-престарый козел: глаза прикрыты морщинистыми веками; нижняя губа отвисла, показывая кривые желтые зубы; на плечах серый зипун. Ноги в валенках. Сидел, положив руки на клюку, а уже на них голову. Спал, должно быть. Саня уже собрался идти дальше, когда с завалинки донеслось:

– Что, кот, раскусили тебя?

Саня остановился, немного подумал, а, подумав, вежливо ответил:

– Нет, дедушка, это я раскусил.

Больше в баронство Рюх он не заходил, и что случилось с учителем, не знал.

Две книжки, которые впоследствии попали ему в руки, он прочитал от корки до корки. Жаль, они оказались не такие душевные, как про ту девушку. В одной разбойников ловили. В другой – про самих разбойников, как они душегубствовали да потом гуляли.

А тут целый сундук. Ну, треть сундука, или даже меньше. Все равно – много. А ему предлагают на это залезть и разлечься. Да и тесно. Однако все лучше, чем на виду у прохожих.

Открытой кибиткой правил сам Апостол. Второй – собака. На сундук сверху уселась Цыпа.

Сочившийся сквозь щелястую крышку свет, закрыла темная юбка. Из соседней повозки послышался беззаботный смех Фасольки. Повезло собаке, с ним красивая девушка катается. А тут – Цыпа. Само собой – курица. Только какая-то неправильная. Что Саня курей никогда не видел? Они толстые, добрые и глупые. Чаще, почему-то, конопатые. И проку от них никакого – один гвалт.

Апостол причмокнул, встряхнул вожжами, кибитка тронулась. Саню потрянуло. Затылок ударился о плетенку. А нечего мечтать. Лежи, приспособляйся. Не по мощеной дороге, между прочим, ехать – по проселку. К границе точно печенку вытрясет. Но наверх он все равно не полезет.

Показалось, если свернуться клубком, выставив локти и колени, будет мягче. Ага, первые три версты потом он начал ворочаться, каждый раз, уговаривая себя, что принял, наконец, удобную позу.

Когда кибитка остановилась, только провидение, удержало на месте. Взбешенный кот уже готов был высигнуть из ящика, сметая на своем пути и курей, и лошадей. Но совсем рядом, за Цыпиной юбкой, послышалось топтание и кряхтение, а за ними – голос:

– Стой! Арлекины? – Пахнуло луком и редькой.

– Ага, – лениво отозвался Шак.

– Давай бумаги на проезд.

– О! С какой стати?

– Розыск.

– Кого ловим? – Такое впечатление, Шак зевнул.

– Кота.

– А собаку не возьмете? Глянь, у меня второй кибиткой правит. Я еще и приплачу.

– Не. Собаки нам не надо. Кота давай.

– Нету. – Отрезал Шак.

– Тогда проезжайте.

Последовал шелест, возвращаемых документов, короткий чмок и законный толчок. Другое дело, что боли Саня не почувствовал. Он в данный момент вообще ничего не чувал, кроме мурашек, которые войском бежали по всему телу.

Нормальные ощущения вернулись по прошествии довольно длительного времени, да и то какими-то притупленными. Теперь кот не ворочался, не стучал в крышку локтями. Он лежал, свившись в тугую нервный ком, не замечая, что тело уже изрядно затекло.

До встречи с дорожной стражей, в угрозу, быть пойманным и наказанным, не очень верилось. Но пробубнил над ухом равнодушный голос, и сразу продрало до самых печенок.

Это была сонная подорожная стража, а что станется на границе? Там не отговоришься. Там досмотр. Или сбежать? Один он как-нибудь спрячется. По кустам, по овражкам... пока не одичает и не превратится в дикого кота. Если раньше не поймают и не приведут в исполнение.

Он все же стукнулся в крышку, на что последовало злобное шипение Апостола:

– Замри и не дыши, иначе вместе с коробом в речку скину.

А за ним тихое щебетанье курицы:

– До границы немного осталось. Потерпи. Как только проедем, я тебя выпущу.

Если проедут. Если их пропустят. Если на том кордоне не засели, извещенные Шаком стражники. Да мать ее ети! Что же делать?

Кибитки встали. Саня разобрал шаги. За ними – сразу несколько голосов:

– Выворачивай короба.

– Давай подорожную.

– Девчонка не продается? Я бы купил...

Вооруженные люди окружили повозки. Саня ненароком накололся на собственный коготь, чуть не вскрикнул и накрепко прикусил язык. От второй кибитки послышался смех Сольки. Девушка заливалась, будто ее щекотали.

– Может, без досмотра обойдемся? – мирно предложил Шак. Только-только все свернули и уложили. Опять разворачивать – на полдня работы. Договоримся, начальник?

– Что везете? – последовал таможенный вопрос, заданный, впрочем, без всякого нажима.

– Декорации, инструменты, припасов немного, одежду. Ты же нас на въезде проверял. А из вашего княжества много не вывезешь. Разве сахар. Только он нам не по карману. Смотри, если хочешь...

Шак недвусмысленно давал понять: если полезут проверять и выворачивать сундуки, мзды не получат.

– Вы на дороге кота не встречали? – поинтересовался один из стражников.

– Собака в городе видел. Жук, ты дня три назад про кота говорил.

– Ну, – нехотя откликнулся собака.

– Какой он с виду?

– Кот, как кот. Лохматый. Меня заметил и в подворотню убежал.

– Да, – засмеялся Апостол, – с нашим собакой коты не очень ладят. Скорее наоборот.

А что кот натворил?

– Не знаем. В бумаге сказано: государственный преступник. Слямзил чего-нибудь...

– Или чужую сметану съел, – хохотнули в стороне.

Пауза. Пограничники отошли посоветоваться. Стояли себе в сторонке и тихо бурчали. Кажется, вот-вот пронесет...

В этот момент со стороны дороги послышался стук копыт. Саня увидел, как приподнялась со своего места Цыпа. Скрипнула повозка, это дернулся Шак. Издалека закричали, приказали, стоять.

– И так стоим, – отозвался Апостол.

– Где начальник караула?

– Я здесь?

– Арлекинов проверили?

За сим последовала пауза. Не начальник, а полено! Нет, чтобы без запинки отрапортовать – замялся, а прибывший ту заминку уловил и скомандовал:

– Выворачивай манатки на досмотр.

Этого, пожалуй, не уместить. Тут другой интерес. Саня заметил, как Цыпа вытащила что-то из-под ног. Шак тоже. В щель, к которой кот припал одним глазом, предмет не поместился. Видно только, что узкий и длинный. Ножны предположил Саня и похолодел.

Кровь в ушах шумела так, что ничего другого некоторое время он вообще не слышал. А когда тупая пелена прорвалась, чуть не оглох от щибета и цвирканья. Похоже, над пограничным кордоном зависла целая туча птиц. Откуда их принесло? Только что ни одной не было.

Окруживших повозку людей сие явление тоже весьма и весьма заинтересовало. Они перестали хвататься за сундуки и мешки. В общем, отвлеклись. А отвлекшись, к изначальным своим намерениям уже не вернулись, потому что из тучи на них пролился дождь.

Когда зашлепали отдельные капли, Цыпа раскрыла зонт. За ней – Шак. Капель очень скоро слилась в единый, дробный гул. К нему присоединились человеческие голоса, оравшие все одно неистовое: «А-а-а!» Заржали лошади стражников. Одна, так просто заорала. Потом – мяк! И только дробь подков по дороге. Из общего хора исчез один человеческий голос. Упал, значит, болезный с коня – или убился, или дух перехватило.

А дальше: Апостол тихонько чмокнул, лошади тронулись, повозка затрясла боками; Саню, само собой, приложило затылком. Телеги двинулись и уже через пять минут были на той стороне границы. Здесь стражник, даже не высунувшись из-под навеса, проорал:

– Езжайте, езжайте. – Должно увидел стаю галок и сообразил: дождь из едкого дерьма вот-вот прольется и на его голову.

Собственно княжествами западные регионы назывались только по традиции. В большинстве из них правили выборные советы. (Рюх, в котором Саня учился грамоте, попутно метя пол, готовя обед и вытряхивая перхоть из учительского сюртука, являлся исключением.) Когда-то давным давно разрозненные поселения объединились в автономию. Тут царили свои нравы. Даже на изданный новым герцогом Всеобщий Закон, тут смотрели сквозь пальцы.

Другое дело – восток. Там располагались ленные владения, обширные пустые, заросшие диким лесом пространства и домен самого герцога.

Еще дальше на восход солнца лежал воинственный Аллор. Кроме того, существовала, не к ночи будь помянута, Граница. Да не межевая борозда с полосатым колышком, а предел, запирающий обитаемый мир с севера. Границей на ночь пугали непослушных ребятишек во всех без исключения землях, потому что никто не знал, что она такое на самом деле. Она просто была.

Прожив почти всю сознательную жизнь в глухом углу, на дальней западной окраине, кот от нее пока не сильно удалялся. Порядки в примыкающих к Камишеру землях были и понятны и терпимы. Юг опротивел раз и навсегда. На востоке побывать хотелось, но в одиночку туда не добраться, а в артель к себе бродячего кота до сих пор не шибко кто и звал.

Тесный плен продолжался еще верст пять. Стая зловредных птичек по дороге отвязалась. Когда повозки остановились, кота вытряхнули на свет. Не дождавшись, добровольного явления из сундука причины всех бед, Апостол ухватил короб за ручки и опрокинул. Саня полетел на траву вместе с книжками. Но – кот, так что, пришел на все четыре лапы.

– Ты уснул? – ехидно поинтересовался собака. – Мы тут на мыло изошли, а он дрыхнет.

Саня не стал отвечать. Сочтутся еще. Тент на второй повозке стал сизым, с него кое-где капало. Борта обоих телег заляпаны, чепраки лошадей – тоже. В траве валялись два зонта. И на них толстым слоем лежало гуано. Воняло соответственно, хоть и подсохло. Шак, не давая коту разлеживаться, приказал:

– Бери антураж и тащи в речку, отмачивать. Стой! Тент не забудь. Сунь в воду, и камнями привали. До завтра выполощется, а что не выполощется, отстираешь.

– Сам стирай! – окрысился кот. Но не по тому, что противно было в одиночку дрызгаться с едким дерьмом – тон главаря не понравился.

– Что! – взревел Апостол. – Да я, знаешь, что с тобой сейчас сделаю?

– Стоп! Стоп! – выметнулся из телеги собака, – Котяра, я тебя как брата прошу: не заедайся. Ты, родной, ни фига не понял. И не надо пока. Иди себе, делай, что велено. Шак, брось оглоблю. Себя вспомни. Все! Разошлись в разные концы леса! Котик, только я тебя умоляю, быстро не возвращайся. Дай командиру отойти. Он тебя и вправду может приложить так, что мало не покажется.

Всю дорогу до речушки, которая бежала среди кустов за поляной, Саня черно злился. Решил даже, что покидает арлекиново добро в воду и по тем же кустам уйдет. Пусть потом ищут, если захотят навалить. Фиг его в лесу поймаешь.

Он продрался сквозь подлесок, оскальзываясь на плоских валунах, спустился к воде и только тут, освободившись от неудобной вонючей ноши, дал себе труд помыслить. В результате чего вышло: самое время возвращаться назад и подставлять шею под Шакову длань.

Стало муторно. Как ни крути, спасая его, они сильно рисковали. Не решишь Шак нагло смыться с границы, переждала бы стража налет и вытряхнула кота-преступника из захоронки. Ему – усекновение хозяйства, им – высылка с конфискацией. То есть: мыкаться без лошадей, без припасов, без декораций. Так что – сиди, котяра, дерьмо отскребай. Хоть этим за добро отплатишь.

Он, наверное, до утра бы там полоскался. Но, во-первых, банально хотелось жрать – в животе урчало, как в дробильном барабане – во-вторых, со стороны поляны вдруг послышались довольно громкие, и какие-то лишние звуки. Будто там не четверо арлекинов на ночлег устраивались, а целый отряд. По шуму – народу на биваке сильно прибавилось. Наученный опытом длинного и трудного сегодняшнего дня, Саня, прихватив зонтики, в обход открытого пространства, покрался к своим кибиткам. Благо, уже пали густые сумерки.

За переплетением колючего шиповника и жимолости, за кустами крушины на косогоре росли высоченные в два обхвата дубы. Кот перебежал от дерева к дереву, скользил между стволами, высматривая, что делается на поляне.

Там в свете двух костров мелькали кони и люди. Человек десять, столько же животных. Один костер – свой. Второй – на дальнем конце чей-то.

Кто-то еще решил устроить тут ночлег? Леса им мало! Или соблазнились веселым соседством? Кот метнулся к следующему дереву. Оттуда стала видна монументальная фигура Шака. Вожак стоял, широко расставив ноги, уперев руки в бока. За спиной – костер. Сцепленные повозки остались чуть в стороне. На одной Саня разглядел Сольку, узнал по длинным, светлым волосам. Собаки видно не было.

Вовсю полыхал чужой костер. Люди копошились в темноте. Чем они заняты, Саня понять не мог. Поближе бы глянуть. Он шагнул и чуть не заорал. На плечо сзади мягко опустилась рука.

– Тихо, – шепнул в самое ухо собака. – Молодец, что напрямую не поперся. Сиди здесь. Я сейчас.

И так же нечувствительно как появился, исчез. Вот гад! До мокрых штанов напугал. Но раздражение тут же откатило. Саня заметил справа от себя шевеление. Куст в пяти шагах от него даже не качнулся, а будто вздохнул и опять замер. Кот потянул носом. Не собачий нюх, разумеется, но все равно лучше человеческого.

А за кустами как раз и притаился человек. Один. С оружием. Высматривает. А что еще? Не цветочки же он сюда нюхать приполз. Ищет подходы к их телегам, стащить чего-нибудь наладился. Саня встал на четвереньки, а затем и вовсе лег на живот. Ползти оказалось легко. Трава мягко пригибалась. Он по дуге обогнул куст, с засевшим в нем наблюдателем, чтобы

одним коротким прыжком прямо с земли оказаться у того на спине. Лапа с, наполовину выпущенными когтями зажала человеку рот. Тот рванулся, но тут же сник.

– Вовремя, – прошелестел рядом голос собаки. – Тащи его к телегам. Я там одного уже пристроил.

Кот ухватил человека за руку и поволок как куль. Правда, пленника пришлось слегка придушить. Для его же блага: начнет вырываться, еще поранит себе чего-нибудь.

Путешествие не заняло много времени. Солька увидела кота и махнула рукой в сторону продолговатого свертка. Собака связал человека, заткнул ему рот и накрыл сверху попоной. Зачем выдумывать? Саня поступил так же, а, управившись, легко взмыл в повозку к девушке.

– Что тут творится?

– Цыгане, – коротко отозвалась Солька и нагнулась к самому дну телеги. Там под ворохом одеял лежала Цыпа.

– Это они ее?!

– Нет. Она на границе сильно... испугалась. Спит. Цыгане к нам пока не подобралась. Спереди Шак, сзади собака, а ты пленный посторожи. Они нам очень пригодятся.

Саня покосился на кульки. Один не шевелился, другой хоть и подавал признаки жизни, но слабые. Гораздо интереснее разворачивались события на поляне. Тени у цыганского костра притаились, прекратилось мельтешение. В центре поляны собралась целая компания. Посередине высоченный – ростом, пожалуй, с Шака – мужик в черной рубаше, поверх которой блестяла множеством монеток и вшитых камешков плотная безрукавка. Черные штаны заправлены в начищенные – отсюда видно – сапоги.

Цыган Саня видел всего один раз. И-то издалека. Они как-то прикочевали к их деревне в Камишере. Мамка тогда спрятала его в погреб и продержала там два дня. Так что, выпущенный на волю котенок увидел только хвост, уходящего табора. Ох, и пугала его мамка потом теми цыганами. А сама как боялась! Не зря, видать. Соседи по поляне, чем дальше, тем меньше ему нравились. Их главарь стоял точь-в-точь как Апостол. Этот руки сложил на груди, и тот – будто передразнивая. Шак вскинул вверх ладонь, их предводитель – тоже.

– Да быстрее, ты! – прошипела Солька. – Иди. Не видишь, Шак зовет.

Откуда-то сбоку из темноты образовался и уже стоял за плечом Апостола собака. Саня не посмел послушаться.

– Здравствуй, Шак! Какие узкие дрожки в этом княжестве. Нам с тобой никак не разойтись, – насмешливо прокричал цыганский главарь.

С той стороны запалили факел. Собака тут же зажег свой. Стало возможным, рассмотреть цыгана в деталях.

Никакой это оказался не человек! Тоже лошадь. Только темной масти. Грива длинная, черная, глаза черные, даже вытянутые вверх уши – черные. Ручищи – о-го-го! А за спиной, все ж таки – люди. Обычные. Только одеты странно. Ну что с них взять – цыгане. В руках у всех ножи. Саня пожалел, что бросил зонтики. Не весть что, конечно, но сейчас любая палка могла пригодиться. Он искоса глянул на собаку. Тот тоже стоял с пустыми руками. Только верхняя губа высоко поднялась, открывая поблескивающие клыки.

Когти, что ли показать, – прикинул Саня. Неа. Не станет он страшать. Зачем?

– Здравствуй, Чалый! Не потерял еще надежды меня пощипать? – мирно отозвался Шак.

– Если цыган расстался с надеждой, но уже не цыган. Он – бродячая собака.

– Поаккуратней, – усмехнулся Апостол. – Мой друг Эд может обидеться.

– Здравствуй, собака, рад видеть тебя живым.

– А я-то как рад! – зловеще отозвался Эдвард.

– Я смотрю, у тебя прибавление в семействе, – кивнул Чалый в сторону Сани. – Продай кота, Апостол. Я тебе за него золота дам.

– Откуда у тебя золото? В прошлый раз я видел только дерьмо.

- А я клад нашел. Не веришь? Давай торговаться. Даю за кота два золотых.
- Зачем тебе кот, Чалый?
- Мышей ловить, – расхохотался цыганский главарь.
- У меня есть другой товар.
- Девчонки? – голос Чалого посерьезнел.

Кажется, он заинтересовался предложением. Ну, за Сольку можно выручить какие-то деньги. А на фига цыганам курица-то?

– Нет, – разочаровал старого знакомого Шак. – Я не торгую товарищами. Только – людьми. У меня случайно оказались двое цыган. Им не очень у нас понравилось. А дальше станет еще хуже. Я люблю своих лошадей, Чалый, они требуют отдыха. Как ты посмотришь, если завтра одну из моих кибиток потащат твои люди? В княжестве Венс плохо относятся к цыганам. Вряд ли кто-нибудь станет за них заступаться.

– Ва! – взвыл Чалый, развернулся и вlepил затрещину ближайшему сподвижнику. – Раззявы! Что ты скажешь про этих недоумков, Апостол? Ни украсть, ни покараулить.

В цыганских рядах произошло замешательство. Люди отшатнулись от главаря. Оно и понятно, разъяренный Чалый запросто мог убить. Шаг за шагом толпочка цыган откатилась к своему костру и загородила его спинами. Чалый остался один на один с арлекинами.

- Ну, здравствуй, брат, – прошелестело из полутьмы.
- Здравствуй, – откликнулся Шак.
- Обниматься не будем?
- Это лишнее.
- Скажи своим людям, чтобы ушли, – прогудел Чалый. – Надо поговорить.
- Они не люди, и они останутся.
- Тебе виднее.
- Как ты?
- Так себе.

– Пошли к нашему костру. Посидим, – предложил Шак.

– Пошли. Пусть мои считают, что я торгуюсь. Да, оттащи, олухов, которых ты поймал подальше. Им ни к чему слышать наш разговор.

– Эд, Саня, – обернулся Шак. – Волоките пленных в лес на травку.

Собака молчком двинулся в сторону телег, Саня – следом.

Людей пристроили под деревом, связав спина к спине. Так теплее и веревок меньше ушло. Когда возвращались, изведшийся от любопытства кот, спросил:

– Они действительно братья?

– Нет. Просто лошади. Слушай, не задавай вопросов, пожалуйста. Сам до всего дойдешь, если успеешь.

– Ты о чем?

– Не знаю, – загадочно отозвался собака, и глухо замолчал до самого костра.

Лошади глотали чай из огромных кружек. Солька выложила на походную скатерку сало и хлеб. В стороне, привалившись к тележному колесу, сидела Цыпа. Сердобольный кот при-
мостился рядом.

– Ты как?

– Уже лучше.

– Сильно испугалась?

– Чего? – удивилась девушка.

– Ну, Фасолька говорит, ты с испугу в обморок упала.

– Нет. Это... так. Со мной бывает.

– Тебе чаю принести?

– Ага.

Надо же – засмушалась. Саня пошел к костру. Страшенькая и совсем ему не нравится, но – жалко – сидит одна под телегой. Вон Солька и плечами трясет и задом виляет – выплясывает перед Чалым. Щеки горят. Волосы струятся по спине, а в них – редкие синие цветочки. Собака смотрит на нее, не отрываясь, однако, слушает чужака. Чалый что-то сказал, собака аж головой дернул.

– ...оттуда не возвращаются.

– Иногда мне тоже так кажется, – согласился Шак.

– Ладно, – поставил точку в разговоре Чалый. – Давай о наших делах покалякаем. Ты где кота подхватил?

– В Кленяках.

– А прежний куда девался?

– Женился.

– Да ну! – вскинулся цыган. Чай плеснул ему на колени. – Мать-перемать! Солька, дай тряпку. Он в Кленяках остался?

– Нет, еще раньше от нас ушел. В ничейных землях. Представляешь, путешествуем мы себе, горе мыкаем, по тому как в лесу заблудились. Вдруг нам на встречу выходит из чащи прекрасная... вернее, прекрасно вооруженная кошка. Я говорит, выведу вас отсюда, но котика придется оставить. Я, было, в драку: да мы, да за нашего кота! А он, подлец, в ноги мне бух. Отпусти, говорит, меня с ней. Не хочу больше скитаться. Предатель. Я ж его под забором нашел, когда он в Асуле от голода загибался.

– Отпустил?

– Разумеется. И пошли коты, обнявшись, в светлое будущее, а мы дальше покатали. Девчонки два дня ревели. А ты, смотрю, опять с цыганами кочуешь?

– Привык. С ними весело.

– Да и безопаснее.

– Это, как сказать. Чистюки в последнее время распоясались. В половину западных княжеств не сунешься. Кстати, не подсказешь, что за шум в окрестностях?

– Не понял.

– Какого кота ловят? Не твоего?

– Уже и в Венсе слух прошел?

– Значит, твоего, – заключил Чалый. – Мой тебе совет: или сдай котяру, или мотай вдоль границы к ничейным землям. Может, проскочите. Пока здешние раскачаются, пока соберутся ловить чужого кота, вы успеете перейти границу.

– Александр, – позвал Шак. – Колись, что ты такого натворил, что на тебя по всему околотку травля?

Саня от неожиданности задумался. Ничего кроме девки он за собой не помнил. Ну, не было! Не состоял, не участвовал, не привлекался, не крал, не убивал, не скрывал. Да, чтоб им там всем пусто стало! Чем он им так досадил?

– Ничего! – зло выпалил кот. И слегка пригнулся. Если обе лошади разом на него попрут, останется, удирать. С такими противниками лучше не связываться.

От тележного колеса раздался продолжительный вздох:

– Шак, я же говорила, ничего за ним нет, – прошелестела Цыпа.

– Я тебе верю. Не напрягайся, девочка. Фасолька, отнеси ей супу. Пусть поест.

– Я не хочу, – отказалась курица.

А саму на сторону клонит. Сейчас свалится. Но Солька не дала подруге упасть, подхватила, села рядом, обняла за плечи.

– Странно сие и непонятно, – заключил Шак. – Может, нашего кота, с каким другим перепутали?

– Наверное, – безразлично отозвался баро.

– Ты давай по подробнее: что за слухи, кто распространяет.

– Ха! Да в Венсе с обеда на всех перекрестках закричали: ловите, мол, граждане убежлого кота. Как зовут неизвестно, лет – около тридцати; бродяга, вор, убийца, растлитель, людоед...

Против ожидания, Шака такое описание Саниных подвигов не насторожило, а развеселило. Он даже хлопнул себя по коленкам. Собака тоже криво улыбнулся. Чалый посмотрел на них, на виновника и только головой покачал.

– Точно, с другим котом попутали. Но вам от этого не легче. Если вас с ним поймают, хлопот не оберетесь. Пока расследование, да суд, да доказательства, останетесь без штанов. Выступать вам не дадут, это уж к бабке не ходи, можете вообще в тюрьме оказаться.

– И ты нам хочешь предложить... – насмешливо протянул Апостол.

– Ага. Отдай его мне. Покрасим в черный цвет. Будет с нами кочевать. Котяра, тебе ведь все равно с кем?

– Нет, – твердо отказался Саня. – Я тогда лучше один.

И опять напряжился, на случай если его захотят удержать силой. Когти полезли и, естественно, попались на глаза Чалому.

– Ого! – цыган отшатнулся. – Шак, ты кого подобрал? Это же ...

– Заткнись! – рявкнул Апостол.

Лицо цыганского главара сделалось задумчивым. На Саню он теперь посматривал урывками – якобы не интересно ему.

Права была мамка, что прятала пасынка от таких вот побродяг. Совсем его не знает, а туда же – обзывать. Спасибо Шаку, не дал сорваться оскорблению. Иначе, Сане пришлось бы или драться, или уйти. Несмотря ни на что! Плевать, что ночь и враждебное княжество под ногами. Плевать, что ловят. Ушел бы.

Но тревожная минута прошла, и тот же Чалый разрядил атмосферу:

– Повезло тебе, Шак. Такие девчонки с тобой катаются, собака у тебя есть, кота нашел. Самое время двигать на восток. Слышал, герцог объявил по всему государству о сборе арлекинов?

– Разумеется. Мы туда уже месяца три назад собирались, но потеряли кота, и надеяться забыли.

– Теперь пойдешь?

– Не знаю. Если проскочить Венс и по ничейным землям двигаться в сторону герцогского домена, год потеряем. А до феста осталось восемь месяцев.

– Смотри...

Саня отодвинулся к девушкам. Ему стало неинтересно. Чалый сыпал названиями неизвестных городков и деревень: пойдешь туда-то, там свернешь налево, здесь – направо.

Цыпа уже не зеленела в темноте впалыми щеками. Фасолька ее укутала в плед и сунула в руки миску с горячим супом. Потянув носом, Саня икнул. За волнениями о голоде как-то позабылось. Зато сейчас аж, скрутило.

– Солечка, налей мне, поесть.

– Ах ты, наш маленький, наш полосатенький, – пропела Фасолька. – Садись, мой хороший, я тебе супчика принесу, а ты мне потом на ушко расскажешь, кого убил, кого ограбил, кого съел.

– Договорились, – пообещал Саня.

Вот свинюшка! Теперь всю дорогу будет дразниться. Но у нее получалось как-то необходимо. Кот решил: подыграет, а там – забудется.

Не сознаваясь самому себе, он уже связал с ними свою ближайшую жизнь. Так и подумал: в начале подыграет, потом сравняется, и только после спохватился: он же еще ничего не решил. А что тут решать-то! Они ему нравились. И не в том дело, что не продали его на границе. Они были свои. Грубые, нищие, странные, но – свои. Он пока ни с кем кроме приемных родителей

не чувствовал себя так свободно. С людьми не получалось из-за необходимости, выдавать себя за человека. А тут не надо. Здесь ты – только то, что ты есть. Кот – это звучит гордо. Лошадь – тоже хорошо. Собака, он собака и есть, а девчонки вообще класс.

Фасолька возилась у костра. Саня спросил у Цыпы:

– О каком сборе толковал Чалый?

– Раз в пять лет в герцогском домене собираются все арлекины страны. Там месяц идут представления. Герцог смотрит. Тех, кто ему больше всех понравится, объявляют победителями.

– И что?

– Получают награду.

– Какую?

– Следующие пять лет они живут при дворе. Мы два раза туда собирались. Ни разу не дошли.

Фасолька вернулась с двумя мисками. Одну сунула коту, другую пристроила у себя на коленях. Цыпа осторожно дохлебывала суп. Саня тоже взялся за ложку, только теперь в полной мере оценив собственный голод. Молчал, пока ложка не заскребла по дну. Шутка ли, за полтора суток съесть пол лепешки. А погоня, а страх, а граница? На девку тоже, между прочим, силы ушли. И не малые.

Без всяких просьб с его стороны, Фасолька взяла миску и принесла добавки.

Во красота! Нет, так просто они теперь от него не отделаются. Гнать будут, не прогонят. А он отработает. Кот нужен? Вот он я! И фыркнул, так что брызги полетели. Мамка приемная долго его отучала за столом фыркать. Мол, пока ест спокойно – человек, как фыркнет, сразу видно кот.

У костра Чалый что-то рисовал на куске клеенки.

– Цыгане тоже едут? – спросил Саня у Цыпы.

– Что ты! Туда только нам можно. И чтобы в составе обязательно были лошадь, собака и кот.

– А петухи?

– Нет. Петухов там не бывает.

– Если со всего герцогства собрать арлекинов, – начал вслух размышлять Саня, – это же сколько наберется?

– В том-то все и дело, – печально отозвалась Цыпа. – Собираются очень многие. Я только раз видела группу, они вообще отказались ехать, и нас отговаривали. Шак их послушал, посоветался с Собакой и все-таки пошел. Понимаешь, туда не просто надо добратся. Желательно, чтобы кроме тебя не дошел никто.

– Почему?

– Тогда и соревнований никаких не надо. Тогда награда точно будет твоей.

– Короче, – перебила подругу Солька, – если по дороге встретишь таких же арлекинов, или убей, или беги, пока тебя не убили.

– А как же власти? – опешил Саня.

– Человеческие? Видишь ли, на время Веселого Похода, особым распоряжением герцога властям на местах запрещено вмешиваться в разборки между арлекинами.

– Мы ни разу не дошли, – печально подытожила Цыпа. – В этот раз собрались, подготовились, но от нас ушел Рик. Мы уже и надежду потеряли...

– Что, девочки, открыли парню глаза на наши дела? – крикнул от костра Шак. – Иди сюда, котяра, есть разговор.

В этот раз Саня подходил к лошадям без опаски. После рассказа девушек он почувствовал себя увереннее, но все же кольнуло: вот почему арлекины его спасали. Нужда приперла, а так – сдали бы, и деньги в карман.

– По роже вижу, сомнения в тебе так и кипят, – заключил собака. Он тут прятался за пламенем костра. Саня дал себе слово, следить за физиономией. Ему надоели собачьи подковерки.

– На, – Шак протянул коту кружку.

Саня принял посудину. Вино ему приходилось пробовать редко. Такое лакомство не для бродячих котов. Но пить он не стал. Понюхал и отставил.

– Мы тут с Чалым поговорили. В общем, дела такие: тебе лучше остаться с цыганами. С ними, считай, легально дойдешь до восточной границы Венса. Там они тебя переправят в Глечики, и дуй, котяра, во все лопатки, – деловито заговорил Шак.

– А почему не в Гошенар? – Спросил Саня, первое, что пришло в голову. Он-то думал, его уговаривать начнут, да расписывать будущие награды.

– Кленяки, Гошенар и Венс недавно договорились, сообща ловить преступников. В Гошенаре тебе дороги до первого стражника. По княжеству Венс с живым котом-людоедом тоже не погуляешь. Нас начнут проверять на каждом посту, и тебя, так или иначе, поймают. Можно рвануть к восточной границе, минуя поселения. Только, какой смысл?

– Но вы же туда так и так собирались.

– Если ты с нами идешь на фест, тогда – да. Тогда смысл есть. Если нет, дадим пару представлений в Венсе и повернем на юго-запад. Там зима теплее. Мне о девочках надо заботиться.

– Не сомневайся, кот, – подал голос Чалый, – тебе у нас понравится. Покрасим тебя в черный цвет, кольцо золотое в ухо вденем, дадим гитару – такой цыган получится, пальчики оближешь. И ни один стражник не привяжется. А там, и насовсем с нами останешься. Это ты еще наших женщин не видел. Как увидишь, сам в табор запросишься.

Саня сидел к костру боком. Припекало. Он отодвинулся, вспомнил о кружке, поболтал содержимое, понюхал, хлебнул...

Чем бы еще заняться? Можно блох половить. Но, во-первых, таковые на нем не водились; во-вторых, не вежливо – лошади ждут. Девчонки притихли. Тоже ждут. У Чалого улыбка от уха до уха – зубы наголо. Красивый цыган, значительный. Такому не захочешь, да согласишься. Шак, наоборот, уставился в землю. На роже ни одна морщинка не дрогнет. Что же делать?

Саня закрыл глаза. Под веками мерцали всполохи.

Горел костер. За костром стояли кибитки. Много кибиток. Чалый соберет большой табор. И пойдут они по долам и весям. Красивые, вольные, черные. Кто натуральный, кто – крашенный. Какая людям разница – цыгане. С одной стороны любопытно, с другой – боязно.

Прикочевали на край деревни, сразу женщины по дворам идут. Хозяйка, куртку купи. Твоему мужу понравится. Нет мужа? Давай наворожу. Завтра сваты придут. Денег нет? Отдай курицу. У тебя в сарайке квохчут. Не бойся, мы такие же люди как ты. Давай, давай курицу. Ай, молодец. Жди завтра сватов...

У кибитки стоит старый одноглазый цыган. К нему ребятишки подбегают. В доме с соломенной крышей одинокая тетка живет. Мужа нет. Хозяйство справное. Старый цыган кличет молодого: Сашко, пойдешь в тот дом. Сашко, – невысокий, коренастый с пышной кудрявой шевелюрой, с ясными светлыми глазами красавец, – идет к тетке, заговаривает, смеется, показывает ровные белые зубы, подмигивает, улещает. Можно не сомневаться, оставит тетка парня ночевать. И на завтра оставит и на послезавтра. А на четвертое утро, проснувшись, да потянувшись от стонотного ночного счастья, не найдет ни парня, ни кошеля, что в сундуке лежал, да и самого сундука не найдет. Выбежит на подворье: стайка распахнута, сарайка – тож. Тихо пусто, а за плетнем соседка, которая вчера от зависти чуть не удавилась, на всю деревню хохочет: лови свое счастье.

Всполохи... Шак по пояс в воде толкает осевшую телегу. До судорог замерзший, Саня тащит на тот берег Цыпу. Несет на плече, как волки барашков. Обрывая кожу на руках, цеп-

ляется за ветки и камни. Собака рычит от натуги, тянет завязшую лошадь. Сечет холодный дождь. Фасолька плачет на берегу.

Если он уйдет с Чалым, – и не продадут, разумеется, – будет жить в свое удовольствие. Много ли надо, чтобы людей обманывать? Он, считай, всю жизнь их обманывал, человеком прикидывался, как мамка научила. Закружится кот. Серьгу в ухо... гитару дадут. Будет петь, бабам в глаза заглядывать. Главное – не забывать, что за тобой смотрят. Шаг в сторону – тебя за шиворот хватать: куда, котяра, наладился?

Хлеб, сало, луковица, немного вина... суровый Шак, ехидный собака... девочки. Некому будет нести Цыпу на берег, сама пойдет по пояс в ледяной воде, цепляясь за телегу.

Саня передернул плечами. В теплый летний вечер по коже продрало морозом. Полоса шерсти на спине встала дыбом.

– Шак, я пойду с тобой.

– До конца? – поднял голову Апостол.

На Саню глянули темные усталые глаза. Ни радости, ни одобрения, ни тем паче торжества. Разве, отблеск понимания. Да какое понимание! Просто тени играют, сбивают глупого кота с толку. Ведь завтра же будет локти кусать, клясть себя за дурость.

– До конца пойду, – твердо сказал Саня.

И чуть не завалился на спину. Фасолька, обхватив сзади руками, зацеловала в затылок, в шею, затормошила.

– Ах, ты мой котенька! Ах, ты мой ласковый.

Чалый сидел, дергал верхней губой – точь-в-точь лошадь – сейчас укусит. Шак Апостол наконец улыбнулся. Собака нехотя поднялся с нагретого места:

– Пошли, Санька, цыган из лесу принесем. Пусть их баро забирает.

* * *

Телега, подскакивая на мелких ухабах, переваливалась боками. Трясло, так что клацали зубы. Правила Солька. Цыпа сидела, вцепившись в бортик. Лежа на соломе, Саня пытался читать.

Зряшное дело. Не то, что буквы, вся книжка прыгала перед глазами, бешеным зайцем. Упустив в который раз строчку, кот захлопнул книгу, поискал, куда спрятать и, наконец, засунул себе в мешок. На привале, случится минутка, он ее опять откроет.

Второй день задворками княжества Венс они пробирались к восточной границе. Чалый указал дорогу верно. Может, и пожалел потом, только слово не таракан, влезло в чужое ухо, не выковырнешь. Шак с Собакой то и дело сверялись с нарисованной на старой клеенке картой. По ней, до границы оставался дневной переход с небольшим гаком. Гак они решили не считать. Вряд ли Чалый сильно ошибся. Так что к вечеру арлекины рассчитывали добраться до лесного урочища, по которому в этом княжестве было принято гонять контрабанду.

Саня поежился. Не думал, не гадал, жил в согласии с законами, – старался, во всяком случае, – а тут попал, так попал. И обратной дороги уже нет. Он себе ту дорогу отрезал собственным поганым языком. Сто раз была права мамка: гордость еще ни одного кота до добра не доводила. Ехал бы сейчас у Чалого в кибитке, халву кушал, вином запивал. Сам весь черный, в ухе серьга, на ногах шикарные сапоги лучшей цыганской работы. А еще бы ему Чалый дал рубаху красного атласа. О! Гитару забыл. Гитара бз-з-зим-м-м. Вай, вай, вай, загубила-а ты мою головушку...

– Цыпа, а вы давно вместе?

– Давно, наверное.

– Что значит: наверное? Ты разве точно не помнишь?

– Помню. Только я не всегда была с ними. Уходила.

- Надоело скитаться?
- Меня замуж взяли.
- И что?
- И ничего! – обернулась Фасолька. – Отстань от нее.

Саня, оторвался от созерцания облаков. У Сольки даже спина выражала возмущение. Он глянул на Цыпу. Та продолжала цепляться за бортик. Пальцы побелели, глаза закрыты, сморщилась. И так не красавица, а стала уж и вовсе страшна. Вот-вот расплчется, сообразил кот.

- Цыпочка, прости, если обидел. Я ж не хотел.

Вроде и не виноват, а кажется, что виноват. Ну, бабы! Никогда не знаешь, от чего они крик поднимают. Что он такого сказал-то?

- А хочешь, я тебя на коленях подержу? Брось ты этот бортик. Иди ко мне.

Цыпа будто не слышала. Саня переполз к ней и мягко боднул головой в живот.

– Цы-ы-па? Ну, погладь меня. Сразу с души камень свалится, – подсунулся под руку, которая не сразу, но таки провела по лохматому затылку. – Еще, еще гладь, а я мурлыкать стану.

– Над головой завохтало. Саня посмотрел. Цыпа уже точно не собиралась реветь. Сморщенное личико разгладилось. Она опять хихикнула. За ней следом звонко залилась Солька:

- Ну, Санька, ну, хитрец. Давай я тоже заплачу, а ты меня пожалеешь.

- Чтобы Апостол мне потом шею свернул?

– Делать ему больше нечего. Если бы он всем моим мужикам шеи сворачивал, в стране бы население уполовинилось. Ты на то, что ночью было, не смотри.

- Я думал, он твой муж, – смущенно отозвался Саня.

– И он, и Эдвард. Они оба – мои мужья. И ты будешь. Только, чур, с ними не драться. Каждому достанется. Я ж – Фасолька.

Что-то такое про дриадов говорили. Саня думал – байки. Ан, нет. Его мгновенно обдало жаром. Он даже от курицы отодвинулся. Сухое жилистое тело Цыпы вдруг показалось деревянным. А рядом, руку протяни, перед глазами туда сюда ерзает широкий зад Сольки. Телегу в очередной раз подбросило. Саня, считай, не заметил. В штанах стало тесно. Лицо запылало. Он потянулся и сунул руку девушке под ягодицы.

- Ой! – заорала Солька. – Ты, что с ума сошел?

- Ага, – глухо прорычал Саня.

- А нечего. Пусть не дразнится. Фасолька обернулась.

- О! Так бы и сказал, что не терпится. Мне ж разве жалко? Цыпа, держи вожжи.

Курица без звука оторвалась от бортика и кое-как перебралась на облучок, а светловолосая румяная Солька колом скатилась в руки коту.

– Ну, где ты там... Хо, котик... Вот так котик! погоди, я сама развяжу... Сумасшедший. погоди. Какой ты гладкий... О-о-о! А-а-а! погоди. Вытащи. Я хочу потрогать. М-м-м...

- Давай! Давай. Еще. Еще. Еще. Не отпускай. Ай, ай... А-а-а-а!

Все уже кончилось, но Саня не сразу от нее оторвался. Внутри звенела пустота. Телегу трясло. Когда поднял голову, перед глазами прыгали гладкие Солькины груди. Он провел по одной пальцем. Девушка ойкнула. Над верхней губой у нее собрались бисеринки пота. Саня перекатился на бок. Девушка сладко потянулась, подставляя горячую грудь ветерку. Юбку не одернула. Так и лежала, раскинув в стороны полные белые ноги. Сане показалось: от переполнявшей ее сейчас жизни, зазеленеет солома, на которой только что произошло соитие. А уже через минуту она вскочила, затормошила Цыпу:

– Отдавай вожжи. Эй! Лошадка, пошла, пошла! – уселась на облучок и, вздернув упряжь, зачмокала, подбадривая сонного конька.

Цыпа с каменным лицом перебралась на свое место. До вечера, до самого привала она больше не вымолвила ни слова. А Саня, собственно, и не настаивал. Сказать проще, он все это время проспал.

Урочище, имевшее в народе неслучайное название «Сквозняк», отличалось от окружающего пейзажа жуткой густолесостью. Лесной язык, перекинутый из княжества Венс в ничейные земли, сопровождала цепочка холмов. Казалось бы, носи себе контрабанду по лысоватым взгоркам. Нет, так уж сложилось. Слух, объясняющий странное поведение контрабандистов был и всего-то один: пойдешь другой дорогой, вообще никуда не придешь, или ничего не донесешь, кроме собственных ног.

Место определилось давно и успело обрасти массой легенд, домыслов и страшилок. Из-за них, надо полагать, никаких пограничных постов тут отродясь не водилось. От населенных мест к урочищу вела единственная изрядно разбитая и заросшая дорога. За кромкой леса она делала пару петель и только потом вливалась в аккуратную круглую поляну. От поляны расходились уже две дороги. Каждая шла вдоль своей цепочки холмов. Одна называлась Длинной, другая Короткой.

По которой поедет? – спросил Шак у Эдварда. Саня так понял, что Апостол в этих местах вообще не бывал. А Эд – в юности... нет, в детстве... или... ну, в общем...

Во младенчестве, мстительно подумал кот, еще не забывший собаке ехидных придинок, мама за распашонку таскала... от норы к норе. Собака как подслушал, обернулся и пристально посмотрел коту в глаза. Саня от неожиданности потупился и тут же себя обругал: ну, какого бы лешего? Что хочу, то и думаю!

Когда телеги выкатили на открытое пространство, воздух уже по вечернему загустел. Солнце напоролось на вершины елей в ложбине между холмами. Благо, вечер в этих местах продолжался довольно долго. На свету успеют распрячь лошадей, соорудить костер, стол и даже поставить шатер. В прежние ночевки его не вытаскивали, здраво полагая: нагреть стража или ее добровольные помощники в деле изловления бродячих котов, с шатром будет много возни. Проще, попрыгать в телеги, под которыми спали, покидать туда вещи, и править от погони. Шак умел запрягать не просто быстро – молниеносно. Такое впечатление, лошади сами надевали хомуты. Затяни подпруги и – вперед.

– Одинаково, – отозвался собака, насчет выбора пути.

– Почему тогда называются по-разному?

– Говорят, в прежние времена на Короткой дороге можно было загнуться гораздо быстрее нежели на Длинной.

– Философия, однако, – усмехнулся Апостол. – А как дела обстоят на сегодняшний день? Не получится, что мы тут гикнемся, вне зависимости от выбора направления?

Собака повернул к лесу, и поднял голову. Ноздри затрепетали – нюхал.

– Ничего особенного. В смысле, особо поганого, – объявил он через некоторое время. – Но какие-то люди недалеко копошатся. Ладно, завтра разберемся.

– Точно люди? – не унимался Шак.

– Да, вроде...

Собака ничего больше не добавил, только слегка потемнел лицом. Сане стало неудобно. Но Апостол, особо не вникая в настроения товарища, скомандовал привал. Лошадей распрягли и пустили вольно пастись. Никуда они не денутся.

После тележной тряски у Сани слегка кружилась голова. Чтобы прогнать дурноту он схватился за работу: достал мешки, принес воды, натаскал сучьев для костра. Отдохнувшее, обрадованное Фасолькой, тело быстро пришло в норму. Спутники тоже не сидели, сложа руки. Только Эд время от времени замирал и начинал тянуть тонкими ноздрями воздух.

Саня присел к сложенному кучкой валежнику и зачиркал спичками. Дрянь, которую купили еще в Кленяхах, не хотела зажигаться. У собаки на такой случай имелось кресало. Саня попросил, тот не дал, задумчиво постоял над костром и отправил парня, помогать Шаку.

Конь, выломав в осиннике тонкую прямую жердину, приспособливал ее под конус шатра. Цыпа бегала вокруг и только мешала. Фасолька вообще не встревала, чистила картошку. Сам собака канул в густеющих сумерках.

Саня держал жердину, а Шак привязывал растяжки, когда снаружи закричал Эд. За ним – девочки. Шак бросил постромку. Барахтаясь в провисшем пологе, кот рванулся к выходу, но запутался. Темно было, как у черной свиньи в желудке. Шуму снаружи добавилось: стучали копыта, грохотали колеса, ревели чужие голоса. Ничего не оставалось, как встать на четвереньки и ползти под запавшим шатром.

Вылез он с другой от входа стороны, но торопиться не стал. Погодим маленько, здраво рассудил кот. За шатром творилось что-то нехоршее. Шак велел девчонкам, отходить к телегам. Рядом черно ругался собака.

Саня осторожно выглянул. Со стороны Длинной дороги на них наезжала кибитка. В первый момент показалось, опять цыгане. Но когда повозка встала, кот разглядел, что на облучке сидит...

Чтобы аллари претворялись людьми, видеть приходилось, чтобы наоборот – никогда. На облучке сидел человек, ряженный лошадью. За ни мелькали еще двое. Надо лбом возницы торчал рыжий, туго склеенный хаер. Все как надо: уши длинные, зубы – лопатами.

Они попрыгали из телеги как горошины. Второй – тоже ряженный только под собаку. Третий, естественно – кот. На посторонний взгляд – нормальные арлекины. На просвященный – мелковаты. К тому же, в руках у всех троих – длинные ножи. А это уже перебор. Еще какой перебор! Дополнения к герцогскому Всеобщему Закону любой не человек знал назубок. В них черным по белому было записано: аллари незнатного происхождения под страхом сурового наказания, определяемого местными органами власти, запрещается ношение оружия.

Столовый ножик, без которого жизни быть просто не может, не в счет. Но его длина не должна превышать десяти поперечных пальцев. Пальцы, конечно, тоже всякие бывают, однако разница не большая. Не иначе, ножи у ряженных мерили лапами сказочного великана или злобного зверя эрха.

Мимо Сани пробежала и вскочила в телегу Фасолька. Вернувшиеся к повозкам кони нервно топтались и прядали ушами. Впереди, лицом к лицу с незваными гостями остались Шак, собака и курица. Апостол гнал ее последними словами. Цыпа не уходила. Эд тоже закричал, Цыпа только мотнула головой. Тогда Эд метнулся к ней и схватил в охапку. Саня ни черта не понимал. Тут добро спасать надо и собственные шкуры, а он бабу кинулся успокаивать. Налетчики действовали нагло и вполне откровенно. Лжекось проорал от своей кибитки:

– Поворачивайте оглобли обратно в Венс! Вы тут не пройдете.

– Это почему? – взревел Шак.

– Мы не пустим. Заворачивайте. И скажи спасибо, грязный ослина, что отпускаем живыми.

Апостол качнулся в ту сторону. Такого оскорбления не прощают. Саня его хорошо понимал.

– Стой, Шак! – гавкнул собака. – У них с собой петух.

Теперь Апостола шатнуло в другую сторону. А Сане вообще захотелось под шум и неразбериху смыться подальше, чтобы не достало. Только петуха им тут не хватало! Только петуха!

Один из налетчиков сдернул с телеги мешок, рванул завязку и вытряхнул на траву мальчишку лет семи. Мальчик упал. Бандит ухватил его за шиворот и поставил, вернее сказать подвесил в кулаке.

– Ори!

Петушок молчал.

– Ори, гаденьш!

Петушок крепко зажмурился. Стиснутые губы побелели. Сане тоже захотелось зажмуриться. Он, разумеется, встречал раньше петухов, но еще реже, нежели дриад. Повывелись петухи. И не мудрено. В жизни они вели себя нахально и задиристо. Работать не любили. Зато пить, гулять и с чужими женами куролесить, были первые мастера. К тому же, стоило петуха разозлить, он принимался орать. Людям хоть бы что, а для аллари – сущая погибель. Крик петуха на довольно продолжительное время мог обездвижить, а то и дыхания лишить. Но петухов в основном люди перебили. Аллари просто обходили их седьмой дорогой. Слышать зловредного петушиного крика, коту пока не доводилось.

Мальчишка молчал. Саня опять выглянул из-под полога. Один из налетчиков выдвинул с повозки толстую жердь и подвесил на ней ребенка за куртку. Глаза у того полезли из орбит. Лицо налилось кровью. Бандит достал палку и с размаху ударил мальчика по ногам.

Петушок закричал.

Шак замер, держа навесу пудовые кулаки. Собака, как ловил Цыпу, так и застыл в неудобной позе. У Сани перехватило дыхание. Перед глазами поплыло. Воздух сделался плотным как тот полог и сдавил грудь. Зрение уже заволакивало. Сейчас навалится темнота, и глупый кот даже не успеет пожалеть...

–Ко-о-о-й-й-я! Я! Я! Ко-о-о-й-й-я!

Удушье мгновенно отпустило. Саня уткнулся носом в траву. Мышцы мелко подрагивали. Но он дышал. Как он дышал! Один вдох, два, три...

Шак рванул в сторону налетчиков. Собака одолел расстояние до ближайшего бандита в два огромных прыжка. Саня кинулся за ними, на ходу досматривая, как Апостол двинул кулаком в лоб вражескому предводителю. Голова у того треснула. Брызнули мозги. Собака вытворил со своим противником вообще что-то невероятное. От одного короткого прикосновения того подбросило и насадило на, торчащую оглоблю. Цыпа сидела на траве за чужой телегой, прижимая к себе мальчика. На долю кота, таки образом, остался последний бандит.

Он бежал зигзагами, прыгая из стороны в сторону – маленький, проворный. Попробуй, излови такого. Кот за ним не поспевал. Один раз просто-таки проскочил мимо, увлекаемый собственным весом. Мелькнуло: уйдет! И покойно подтвердило: уйдет, уйдет. Саня не хотел убивать. Он вообще никого не хотел убивать!

Злыдень опять кинулся в сторону. Кот замешкался на развороте. А потом все мысли вышибло. Бандит налетел на Цыпу, пнул с разбегу в грудь, вырвал из рук ребенка и попятился к лесу. Цыпа ничком свалилась в траву.

– Я его зарежу, – прохрипел похититель. – Видели?

Перед лицом мальчика несколько раз мелькнуло лезвие.

– Не подходите! Я его в куски изрублю!

Бандит попятился, развернулся на месте и побежал к кустам.

То, что потом произошло, Саня объяснить не мог. Он не знал, что такое возможно, он не подозревал, что на такое способен.

Он настиг человека одним гигантским прыжком. Тело легко поднялось в воздух, чтобы всей тяжестью обрушиться на спину вору. Когти рванули плоть. Голову срезало, как бритвой. На спине человека разошлись пять глубоких ровных борозд, в одну из которых толчками выбросило всю кровь. Труп волчком пошел в сторону. Ребенок выпал из рук похитителя.

Кот упал рядом. Дыхание перехватило как давеча. Опять поплыли круги. Желудок вывернулся наизнанку, волоча за собой остальные внутренности. До жуткой боли. До судорог.

Когда он чуть-чуть отдышался и открыл глаза, с травы, с двух шагов на него тарасила остекленевшие глаза человеческая голова. Впору было опять вывернуться. Но кто-то мило-

сердно кинул на мертвую голову тряпку. Потом кота, легко как ребенка, подняли под мышки. Шак, – успел подумать Саня и отключился.

Опять трясло. Сначала были только толчки, потом, объявились подсакивающие звезды. Ветки деревьев над головой мотались и дергались. Телега ехала. Рядом на попоне лежала Цыпа. Кот дотянулся, потрогал – теплая. Наверху загорелись, мигнули и пропали два зеленых огонька – глаза собаки. Не иначе, проверяет, тут ли котяра. На дорогу смотри! Не ровен час, всех в канаву вытряхнешь.

Накликал. Телегу сильно накренило. Цыпа навалилась жестким телом и застонала. Впереди глухо крикнул Апостол.

– Ты очухался? – спросил с облучка Эд.

– Еще не знаю, – честно признался Саня.

– Ща проверим. Вылазь, толкать будешь.

– Где моя гитара? – тихо бурчал кот, выбираясь из повозки. – Где кольцо в ухе? Где атласная рубаха?

– Что ты там бормочешь?

– Спрашиваю, на кой хрен я за вами поперся? Меня люди к себе звали, золотые горы сулили.

– Ну, ты даешь, котяра! Живой, здоровый, матерого чистюка завалил, а третьего дни мог без яиц остаться, – подхватил его треп Эд.

– Какие чистюки? – вмиг посерьезнел кот.

– Такие, – веско отозвался, подошедший Шак.

– Их на востоке не водится, – заупрямился Саня.

– Не кипятись, – остановил его Эд. – Мы у них в телеге пошуровали, и много чего интересного нашли. Не сомневайся – чистюки.

– Где они? – Спросил кот, а сам представил, как по темноте следом за ними трясется повозка с мертвецами.

– Догорают, – лаконично пояснил собака. – А что не догорит, птички склюют. В этом лесу они ко всякому привычные. Ты стоять можешь?

– И даже ходить.

– Тогда навались.

Саня уперся в бортик телеги, Шак поддел днище плечом, собака чмокнул, послушная лошадка наддала, и повозка выправилась, встала в колею. Кот заметил чужую лошадь. Пока возились, она притрусилась к ним вплотную, ткнулась сначала в задок телеги, потом Шаку в плечо. Тот ласково потрепал бархатные ноздри. Лошадь фыркнула, обдав их теплым дыханием.

Совершенное на поляне убийство отодвинулось, откатилось за границу видимости, ушло в темноту. Завтра на свету его, наверняка, скрутит, а сейчас он отгородился трепом с собакой, болью в натруженных мышцах, звездным горохом над головой, улыбкой Фасольки, которую не видел, но которую себе ясно представлял. Сане вдруг показалось, что он уже не один год делит с ними дорогу, что рядом не чужие, странные арлекины, а давно знакомые, близкие люди. Не люди, конечно, но какая разница, если тебе с ними хорошо.

– Полезай обратно, – скомандовал Эд.

– Куда мы вообще-то едем?

– Вперед, парень, и только вперед. Тут где-то должен быть столб-указатель, граница Венса и ничейной полосы. В свете последних откровений, стоит поторопиться. Чистюки, как выяснилось, действовали с ведома властей сего негостеприимного княжества.

– Плохо.

– Кто б спорил. Но требовать разъяснений у их архонта, сиречь председателя совета я не побегу. А ты?

Саня промолчал. Да собака и не ждал ответа. Дела складывались так, что ответа на многие вопросы не находили даже умудренные опытом Шак и Эд. Что уже говорить о нем, простом деревенском коте? Кроме крохотного уголка восточных земель он вообще нигде не бывал. О чистюках знал только то, что появились они не так давно, лет может пятнадцать назад. Что пришли с востока и, что были объявлены в большинстве здешних мелких княжеств вне закона. Та компания, которую он как-то разогнал, была по сути единственной на его жизненном пути. Узнать, что эти поганцы разгуливают по Венсу как по родному двору, было неприятно.

Глава 2

Эд

– Господин сын мой, мы с Вашей матерью, намеренны, серьезно с Вами поговорить.

– Слушаю, господин отец мой.

– Эдвард, Вам лучше присесть.

– На долго?

– Эдвард, Вы невыносимы. Неужели трудно, минуту посидеть спокойно?

– Не утруждайте себя, мадам, у него шило в заднице. Сядь! И так: Вы нас покидаете.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас я кликну палача с розгами. Вы с ним дня три уже не виделись. Обещаю Вам незабываемую встречу, если Вы тотчас не успокоитесь. Разговор действительно серьезный.

– Я весь – внимание. И даже присмирел.

– Мы намерены послать Вас в университет.

– Я не поеду.

– Не обсуждается!

– Но я не хочу!

– Ваши желания остались за порогом совершеннолетия, Эдвард. Вчера Вам исполнилось шестнадцать, с сегодняшнего дня придется соответствовать.

– Господин муж мой... может быть, нам действительно отложить разговор. Я боюсь...

– Мадам, Вы непозволительно избаловали нашего младшего сына. Ничего с ним не случится. Удар его уж точно не хватит. Не закатывайте глазки, юный лицедей, со мной этот номер не пройдет. Вы едете. Можете рассматривать это как приказ. Единственное, что я могу Вам позволить – выбор университета. Убрейя: управление, культура, политология, экономика, психология. Сарагон: химия, физика, математика, медицина, древняя и естественная история. Чем Вы хотите заниматься?

– Ни чем!

– Палач!

– Господин, муж мой, может быть, дадим ему подумать?

Шак ушел первым. Эд еще повалялся на травке, погрыз травинку, искоса наблюдая за девочками. Так и льнут к Сашке. А тот в книжку уткнулся. Гр-рамотей! Ну, да пусть его. Может, и правда чему научится.

Это я – со зла, – самокритично подумал Эд, – не иначе. Чего я вообще к нему привязываюсь? А того – кот, и все! Антагонизм.

Эд перевернулся на спину, раскинул руки, вприщур рассматривая небо. Бездонно, сине и безмерно. Так бы и лежал. Однако сам первый засуетился, первый почувал, что недалеко колготятся военные. Следовало разведать: кто такие.

Он легко поднялся, будто взмыл и канул в лесу. Ни одна веточка не шелохнулась; и понесся, лаской проскальзывая в редкие просветы сплошной зелени. Подпрыгнул, сорвал листок. Просто так – засиделся в телеге. Ноги, пританцовывая, несли сами.

Люблю бегать. Да, я – собака. С-с-собака! Р-раз – перескочил через высоченный пенек. И дальше, дальше. Заорать бы сейчас, завывать от полноты жизни. Пусть пичуги со страху обгадятся, а наземные братья меньшие попрячутся. Но это, пожалуй, лишнее. Лесной-то народ попрячется, а войсковой? Те как раз попрут на крик. Стезя у них такая. Услышал неуставной шум, топоры наголо, и вперед. К тому же, они недалеко. Справа, определил Эд. Рядом вода и дорога. Остановились в непосредственной близости от тракта. Зачем им в чащобу? В чащобе боязно. По опасному ничейному лесу только такие закоренелые как Эдвард Дайрен шастают.

А ведь когда-то он по этому тракту уже путешествовал. Теперь бы вспомнить рельеф и сообразить, с какой стороны лучше подбираться к кордону. Не выходить же к ним открыто. Я, мол, спросить интересуюсь: не меня ли ловите? Парни, конечно, встанут на вытяжку, топоры – на плечо: «Рады стараться, Ваше, и т.д. – конечно, Вас!

Нет, торжественная встреча ему на фиг не нужна. Лучше тихонечко, огородами, балочками... даже если придется ножки замочить. Они на ручье остановились под скалой. Поблизости другой воды нет.

Скала – одинокий монолит. «Ухо» называется. Интересно, они знают, почему ее так назвали? Если знают, – плохо, – будут сидеть немтырями. Другое дело, если не знают. Тогда можно тихонько подкрасться, залезть наверх и оттуда слушать.

О близкой дороге напомнил, запах дегтя, затертого тележного дерева, человеческой толпы и пропотелой конской упряжи.

Тракт проложили в незапамятные времена. Эдварду когда-то попался географический атлас двухсотлетней давности. На нем тракт был отмечен, как основная магистраль, связывающая центральную провинцию с западным сателлитом.

Тьфу! Он отвлекся и чуть не упал в овраг. Кусты подступали к самому краю. Нога заскользила по гладкой причесанной вниз траве. Но удержался. Он бы и на монетке удержался. Этому в университетах не обучали. Жизнь заставила, освоить. Ловок, ловок, похвалил себя Эд и пошел вдоль обрыва. Врожденные способности, опять же. У других они тоже присутствуют. У каждого свои: у Шака, у девочек, у котяры нового. Ух, котяра!

Их предыдущий кот смотрел на Эдварда исключительно снизу вверх. Только рыкнешь – под Риком лужа. Девчонки его тут же хватают и, давай, жалеть. Заташат в шатер и всю ночь над парнем измываются. Девочки с ним прощались – на весь лес ревели. На нового кота орать боязно. Гавкнешь, а он тебя одним росчерком когтя утихомирят до состояния полной немоты. Одно спасение – круглый пацифист. На долго ли?

Ноги таки пришлось замочить. Вернее, сапоги. На дне оврага доцветала мелкая лужа. Эд перебрел ее и осторожно полез на склон; вовремя заметил тонкую проволочку и дальше на посторонние мысли уже не отвлекался. Пост сел, не абы цветочки нюхать. Огородились. Пришлось сворачивать с торной тропы и по зарослям добираться до вершины.

Скала называлась Ухом не случайно. Если забиться на самом верху в косую расщелину, услышишь не только разговоры, которые у подножья разговаривают, но и гад морских подводные беседы.

Внизу возился один человек. Говорить с собой он или ленился, или не умел. Так что Эд на некоторое время остался в компании невнятных шорохов, и вполне внятных, сильно настораживающих запахов.

Воняло оружейной смазкой. Он мысленно присвистнул. Не обычная пехота пожаловала на трансконтинентальный шлях – герцогская гвардия. У обычных всего оружия – топоры да палицы. У герцогских – мечи, арбалеты, хитрые метательные звездочки и многозарядные пружинные рогатки, стреляющие свинцовыми шариками. Убить не убьет, но из строя на некоторое время вывести может. Еще герцогские гвардейцы использовали разнообразные приспособления для захвата живьем. Аркан из них самое простое. Короче, попадаться, не стоило. И какого, они сюда вообще нагрянули?

Эд скрипнул зубами. Когда вспоминал герцога, челюсти сводило само собой. Бесконтрольно. И бесполезно. И безвременно...

Так... надо остыть. Надо на время все забыть. Он – арлекин. Собака. На время? Возможно, навсегда. И не скрипи зубами! Не поможет.

* * *

– Господин Дайрен!

Эд вскинулся:

– Да, Ваша Ученость.

– Вы позволяете себе неслыханную роскошь – спать на моих лекциях. Но сегодня Вы переплюнули самого себя. Заснуть на зачете – это неслыханно.

– Я не спал, Ваша Ученость. Как Вы могли такое подумать! Я задумался.

– Над чем?

– Над Вашим последним вопросом.

– Кстати, напомните нам, о чем шла речь?

Заснул, конечно. Ну, виноват, был не прав. Однако сознаваться – дураков нет. Его Ученость господин Камибарам Мараведишь шибко зело въедлив и злопамятен. Не забудет. А пуще, не забудет, что студиязус не сумел выкрутиться. О чем бишь там говорили, пока Эда не сморило? География? Нет. Политика... тьфу. О – культура! Еще бы знать чья.

На помощь пришел Таль, – ой, дружище, век тебе не забуду, – прошептал одно слово: Камишер.

– Культура пограничного княжества Камишер имеет крестьянские корни, – выпалил Эд. Камибарам пожевал сухими губами и нехотя кивнул:

– А не поясните ли Вы нам, что бы это могло означать?

На ум пришло спасительное: я учил, но запомнил. Не раз прокатывало. Тут не прокатит. Сейчас Камибарам вцепится в него как клещ. Но Эд же не виноват, что вчера так все сложилось.

Старший Пелинор ушел с друзьями в кабачок «Под вязами», а младший предложил пробраться следом. Кабачок служил местом сбора старшекурсников. Младших туда даже на порог не пускали.

Эд как-то завернул в вожденную забегаловку, топнул ногой на швейцара, выпятил подбородок и уже шагнул через порог, когда его вежливо взяли за шиворот и выкинули на мостовую. Вышедший следом бык с естественного факультета посмотрел, как салажонки поднимаются, как локти растопыривает, покивал шишковатой головой:

– Вставай, вставай. Пугать меня будешь? А? Да знаю я, кто ты. Не хорохорься. Хочешь – заходи. Только учти, с этой минуты и до окончания учебы никто с тобой двух слов не скажет. Знаешь, что такое «persona non grata»?

Эд огляделся. На улице никого. А бык продолжал:

– Это, когда ты есть, но для окружающих тебя как бы нет.

– Я прикажу...

– Где? – бык натурально удивился. – В Сарагоне? Ты, часом, провалами памяти не страдаешь? Дома приказывай. Тут – свободный университет.

Как то ни печально, титулованному салажонку осталось согласиться и валить по добру поздорову. Разгневанный бык мог нешуточно навалить.

Вчера младший Пелинор выслушал наставления брата насчет подготовки к зачету, покивал, клятвенно заверяя, что так оно и будет, но как только Влад шагнул за порог, выстучал в стенку Эда, и предложил:

– Пошли за ним. «Под вязами» сегодня собираются выпускники и кандидаты. Гулянка будет – ого-го!

– Нас все равно не пустят.

– А мы на дерево заберемся и посмотрим.

– Еще чего не хватало! Не буду я на дереве сидеть, – выпятил губу Эд.

– Ну, как хочешь. Такая вечеринка раз в год бывает. Сиди дома, историю зубри, раз тебе не интересно.

Эд соврал. Ему было еще как любопытно. Но сидеть на дереве и заглядывать в окошко, как там старшекурсники развлекаются, он почитал ниже своего достоинства. Ага. Так и просидишь с ним до третьего курса, с достоинством. Прав бык, тут университет. А титулы дома остались. Еще отец предупреждал: в Сарагоне ты – обычный студент. Учись сам за себя посто-ять. Или посидеть... на дереве? Очень уж хотелось.

Тык-мык. Иван Пелинор ждал. Душевные муки товарища были на лицо.

– Пошли, – наконец вымучил Эд.

Они дождались густых сумерек и подались в сторону вожеленного кабачка. Когда приятели подошли к каменной коробушке под высокой черепичной крышей, ее, что называется, уже качало. Старые вязы, ровесники университета, обступали домик с трех сторон. Младший указал на толстый сук. Они по очереди вскарабкались по стволу и сели у основания ветви. Отсюда действительно можно было разглядеть, творящееся внутри. А там!..

На столе плясала голая девушка! Совсем голая. Эд как увидел, чуть не рухнул на землю. Да еще Иван толкнул: гляди. Отплясывала, только черепки из под ног летели во все стороны. Голый по пояс Влад Пелинор размахивал в такт своей рубахой. Тут же мелькал давешний бык. И много других. Сигх с физического факультета охаживал женскую одежду. Вокруг стола сидели и крутились еще девушки. Окошко загородила узкая девичья, совершенно обнаженная, спина. Потом спину обхватили чьи-то руки и впечатали в оконный переплет. Переплет начал дрыгаться не в такт с музыкой.

– Что это они? – удивился Иван.

– Что, что! Трахаются, – пояснил, умудренный уже кое-каким жизненным опытом, Эд.

– Но там же... это. Там же... смотрят.

– Пошли отсюда, – Эду вдруг стало невмоготу.

– Давай еще посидим, – задышал ему в ухо Иван.

– Я ухожу.

Спустится на землю, мешал товарищ. Уходить он категорически отказался. Эд начал его обползать, потому как прыгать было высоковато – и ногу свернешь, и шуму наделаешь. Там конечно все пьяные, а вдруг кто заметит?

Но случилась досадная неприятность: на землю свалился Пелинор. Хоть и медведь. А собака Эд как раз удержался, чтобы из густой кроны увидеть двух старшекурсников. Вынесла их нелегкая на свежий воздух!

– Смотри! Салажонок! – заорал один.

– Лови! – подхватил другой.

– Убился. С такой высоты лететь!

– Давай посмотрим.

Они подбежали к мальчишке, начали переворачивать, тормошить. Эд затаился. В кратчайший срок надлежало решить: отсидится он на ветке, или придет Пелинору на помощь. Старшие, конечно, Ивана в чувство приведут, а там и набуцкают.

Эд приготовился. Пусть ему наваляют наравне с Иваном, но сидеть и смотреть, как бьют друга, он не станет. Однако, как только парня поставили на ноги, он резко крутнулся, раскидал, зазевавшихся спасителей, и дал стрелка. Старшекурсники, естественно, погнались, только вернулись ни с чем. На их крики из кабачка вывалила целая толпа.

Эд быстренько перебрался на самую верхушку дерева. Там его уже точно никто не увидит. Другое дело, что придется сидеть тут незнамо сколько. С тоской вспомнился завтрашний зачет. Даже, погнавшее с ветки, возбуждение отступило. Так и сидел в развилке на вершине, пока не разошлась толпа. Удравшему Ивану и не снилось, чего Эд насмотрелся. Приятель от зависти завтра позеленеет. Другое дело, что отсидел себе ногу и спускался потом очень и очень долго. Домой он вернулся только под утро и упал в кровать как подкошенный.

А теперь надлежало быстренько вспомнить, что такое крестьянские корни. Таль, дружище, ты где? Эд обернулся. Сокол лихорадочно листал под столом учебник.

– Длительное время считалось, – наконец зашептал он на весь класс.

– А Вас, господин Таль, я попрошу удалиться. Зачет вы мне придется сдавать отдельно, – мстительно прошипел старый змей Мараведиш.

Таль захлопнул книгу, состроил печальную мину и пошел из класса.

– И так, о крестьянской культуре Вы понятия не имеете. – Его Ученость еще вытянул и так некороткую шею. Под кожей обозначились тонкие, продолговатые позвонки.

– Я учил, – твердо сказал Эд.

– Вы лжете!

– Учил!

Старый змей из-под низу вывернул глаз на студиозуса.

– Вы еще смеете упорствовать?

– Учил! – у Эда свело челюсти.

– Арп! – позвал преподаватель.

В аудиторию вошел высоченный молодой конь. Про него рассказывали всякие страсти. Он трудился исполнительным надзирателем, попросту сказать – палачом. В его функции входило: пороть нерадивых студентов. Реестр наказаний являлся отдельным документом. Либо сам студент, либо его родители в обязательном порядке ставили под ним свою подпись.

– Пройдите, – зловеще улыбнулся Камибарам Мараведиш. – За нерадивость я наказываю пересдачей, за ложь – поркой.

– Не пойду! – Эд едва выговорил. Челюсти не хотели разжиматься.

– Если мне не изменяет память, под договором об обучении стояла подпись вашего родителя. Он согласился с тем, что в нашем университете применяются телесные наказания. Вы осмелитесь оспаривать волю отца?

У Эда одеревенели мышцы. Старый змей подло свернул простой как мычание вопрос на политику. Перед отъездом из дома отец очень доходчиво объяснил строптивому отпрыску, что с ним сделает, в случае если тот поведет себя некорректно. Деваться, таким образом, оказалось некуда. Эд сдвинулся с места и, ничего перед собой не видя, шагнул вслед за палачом.

Под наказания в корпусе естественного факультета отвели целый флигель. Ближе было идти через двор, но конь повел Эдварда коридорами. По дороге чуть отпустило. Пройди они снаружи, весь университет бы уже знал, о постигшем Эда позоре. А так, свидетелями стали только голые стены.

Перед глазами мерно двигалась широченная спина надзирателя, до середины прикрытая спутанными пепельными волосами. Он был на голову выше Эда. И, разумеется, лучше бегал. Не удерешь. Или удерешь? Тот, как подслушал, обернулся и пронизательно глянул в глаза молодого собаки.

– Нам сюда.

Надзиратель отворил своим ключом дверь в короткий коридорчик в конце, которого оказалась еще одна дверь. А за ней – только лавка и кадка в углу, из которой торчали розги.

– Ложитесь, – указал конь на лавку.

– Я тебе заплачу, – выговорил сквозь зубы Эд. – Я не позволю тебе до себя дотронуться. Договоримся?

– Я беглый каторжник, – спокойно отозвался конь. – Университет принял меня и не выдал властям. Я не возьму денег, отпущу тебя без наказания и никому ничего не скажу. Ты хочешь иметь общую тайну с беглым каторжником?

Между ними потянулись секунды. Эд посмотрел в светлые спокойные глаза Арпа и...

– Снимать штаны или рубашку?

– Рубашку.

Эдвард Дайрен стянул через голову сорочку тончайшего сервезского полотна и улегся на лавку. Арп вынул из кадки розгу, согнул, посвистел ею в воздухе и молча приступил. Между прочим, папенькин конюший бил гораздо сильнее. Конь не оттягивал, и десять ударов, таким образом, получились вполне терпимыми. А ведь про него рассказывали, что лупит со всего маху, не зная пощады. Енот Гаврюшка три дня сесть не мог. Одеваясь, Эд покосился на мучителя. Ни торжества, ни даже тени удовольствия. Лицо каменное.

– Что же не по заднице? – спросил Дайрен.

– Не хотел унижать достойного, – отозвался Арп.

Эд коротко кивнул и вышел.

Вот тебе и вольный университет, вот тебе и свободные студенты. Дома в замке он был в сто раз свободнее. Там что ни натвори, наружу выплывет только малая часть.

Никто не хотел связываться с младшим отпрыском. Пожалуешься, отец его накажет. Только как бы то наказание жалобщику потом не вышло боком. За Эдом водились не самые безобидны шалости.

Однажды старший повар чуть не поплатился головой за свой язык. Эд стащил на кухне пирог. Повар кинулся к отцу. Папенька пребывал не в лучшем настроении и отпрыска, как не раз уже бывало, отправил на конюшню. Для исполнения родительской воли, там имелась отдельная колода и отдельный экзекутор – круглый глухонемой сирота, немеряной силы бык. Младшего он не боялся, потому как, мог убить простым шелбаном; к тому же, дому был предан до умопомрачения. Так вот, повар. На донос отец отреагировал дежурной фразой: не доходит через уши – это про увещевания, которыми потчевала Эда мать – дойдет через задницу. На тощих ягодицах отпрыска к тому времени уже мозоль розгами натерли. Но за очередную порку он решил отомстить. Отлежавшись, положенное время, Эд дождался приезда каких-то гостей, пробрался на поварню и насыпал соли, буквально во все кастрюли.

Ужин, разумеется, состоялся, только очень поздно. Но вместо того чтобы наказать сына, на это раз отец выгнал повара. Дайрен стал свидетелем того, как многочисленная семья старого слуги с ревом собирает манатки, как пакуются баулы и мешки, а потом старик целует на прощание отцу руку.

Приказ господина – священный закон. Даже если ты ни в чем не виноват. Повар стоял перед отцом на коленях и говорил, как ему было приятно служить, говорил, что век не забудет такого прекрасного хозяина, а отец поверх его головы печально смотрел на сына. За спиной Эда возвышался бык-конюший. На сегодня в его обязанности входило, проследить, чтобы младший отпрыск не сбежал до самого отъезда поварской семьи.

Тогда впервые в жизни Эда скрутил жуткий стыд.

Семья повара уехала. Больше таких выходов младший наследник себе не позволял, но за ним уже закрепилась слава пакостника. Отец с ним долго тогда не разговаривал. Только перед отъездом в Сарагон он напомнил сыну ту историю и рекомендовал, сначала думать, а потом действовать, что бы ни нашептывали тебе, оскорбленное самолюбие и неумная дурная голова.

А Гаврюшка енот, между прочим, был первый доносчик и ябеда.

* * *

Эд давно их услышал. К посту шли люди. Гвардеец внизу намного позже подхватился встречать командира с остальными воинами. Но много они не разговаривали. Лейтенант приказал готовить обед и проверить оружие; отправил двоих патрулировать дорогу. Тем вся информация и исчерпалась. Досадно. Хоть бы слово лишнее кто обронил.

Эд попытался определить, чем они вооружены. Не хило, однако. Характерный скрип арбалетной пружины ни с чем не спутаешь, и свист, заряжаемого скорострела – тоже. Дайрен приготовился ждать ночи, – авось еще разговоятся; сел поудобнее, если что – подремлет.

Не пришлось. Обед закончился быстро. Лейтенант, дабы воины не расхолаживались, выгнал их на лужок, размяться. Там застучали палки, парни занялись фехтованием. Но как оказалось – не все. Командир и один из воинов остались под скалой. Собака наострил уши.

– О чем говорили во время обхода территории? – спросил лейтенант у невидимого собеседника.

– Каша, носки, ружейная смазка. Марголет какой-то...

– Марголет – проститутка. Что еще?

– О том, когда подойдут регулярные войска.

– Какие слухи?

– Никто ничего толком не знает.

– Отлично.

– Почему? – вяло поинтересовался собеседник.

– У арлекинов кругом свои глаза и уши. Мне сообщили: две группы удалось задержать и уничтожить. С третьей, которая шла через Сквозняк – не ясно. Туда чистючков пустили. А с ними заранее ничего не угадаешь. Если и до них дошли слухи, о приближающихся войсках, сами могли слинять, не выполнив, задания.

– А зачем мы вообще их ловим?

– Кого?

– Арлекинов.

– Слушай, я тебя предупреждал, чтобы ты лишнего не спрашивал?

– Ну.

– Надеюсь, ты язык не распускал?

– Нет.

– Смотри. Погоришь. Если на тебя падет хоть тень подозрения, я от тебя откажусь. И – предупреждаю – первый побегу доносить. У нас теперь только так. Иначе – Клир.

– А раньше?

– Раньше легче было. Правду сказать, раньше тут не служба была, а чистый мед. А бардак! Служи, где хочешь, как хочешь и с кем хочешь. Арлекины каждые пять лет на свои фесты собирались. Ну, подерутся по дороге, ну, гонки устроят, кто первым прибудет к герцогу. Никакого смертоубийства. Потом – месяц праздника. Все гуляли.

В голосе лейтенанта прорезались ностальгические нотки. Но собеседник свернул разговор на свое:

– Ты давно в гвардии?

– Лет тридцать. Тут что главное? Дисциплина. Приказ получил – выполни. Доложил – поощрение или нагоняй пережил – служи дальше. И чтобы никаких вопросов! При старом герцоге порядки, конечно, были другие. Мальчишек сирот собирали и отдельно учили. Гвардейцами становились с детства. Или кто в войске особо отличился.

– А сейчас?

– Сейчас, только по знакомству и личной рекомендации. Да еще подмасли всех. Но я тебе уже битый час толкую, вопросы не задавай. Мне – ладно. У кого, другого спросишь, враз тебя вычислят: кто ты, откуда, и как в гвардию проник. А заступиться некому будет, по тому, что и меня следом потянут.

– А если правду сказать?

– За нее как раз без головы и останешься. Ты думаешь, почему наши парни про ружейную смазку, да про Марголет тарыхтят? Им, может, тоже охота об нового герцога языки почесать. Только они уже умные, а ты пока – круглый дурак. Если кто дознается, что ты моей дворянской сестре не родной сын, а приемный – все загремим.

Снизу донеслось натужное сопение. Племянничек, похоже, собирался расплакаться. Совсем молодой, определил Эд. Ну и гвардия. Однако вооружены они очень даже серьезно, да и регулярные войска не за горами.

Дядька, цыкнув на племянника, продолжал:

– Раньше-то ясно все было, как на ладони. Теперь тайны кругом. Такие слухи ходят, что не знаешь, еще пожить, аль сразу помереть. Поговаривают, например, что восточные соседи собираются напасть на герцогство.

– Тогда почему мы на запад идем? – жалобно спросил племянник.

– На западе своя напасть: Камишер, – леший его потопчи, – вообще отделился.

– Как!?

– Каком кверху. Закрыли границы с той стороны, и все дела.

– А разве такое возможно?

– Взял я тебя на свою голову! Сидел бы ты в своей Таракановке, сапоги, как другие, тачал, нет, приспичило белый свет посмотреть! В Камишер издревле через приграничные чащи перла всякая дрянь. Тамошние жители эту дрянь ловили, да на сторону продавали: то шкуру какую-нибудь необыкновенную, то клыки в три копыа длинной, то чешуйки каждая с ладонь и светится радугой. За такую чешуйку при старом герцоге марку давали.

– А сейчас?

– А сейчас просто отнимут и тебя вместе с ней загребут. Новый герцог объявил всю добычу государственным достоянием. Поймал, стало быть, страховидлу – тащи ее в казну.

– А они отказались?

– Ага. Герцогского легата за то, что много орал, в ловушку вместо приманки посадили. От дурак-то! Нашел, кого стращать. Камишерцев! Легата, значит, зверям скормили, а границу замостили палочником.

– Это что?

– Палки живые. На вид – простой сучок, а как наступишь, он тебя за ногу хватить. За ним ползает улита – слизняк. Он на палочнике живет. Тот держит, а этот подползает, и ну добычу облизывать. До кости.

– Чур, меня, чур!

– Тебя кто учил чуром ругаться?

– Никто. В деревне так говорили.

– Забудь! Чуров только нелюди-аллории почитают. У нас, у людей, свой бог – Светонос, который нас из вековой темноты вывел.

– Куда?

– Отвяжись! Иди вон на луг, палкой помаши. А то уже косятся, пригрел, говорят, мальчишку. Вали, давай! Работай!

Парнишка убежал. А у Эда пятки зачесались. Но не потому, что торопился донести слухи до товарищей. За границей человеческого, да и собачьего слуха, на пределе его необыкновенного чутья появился новый фактор. Да такой, что самое время драпать. Еще очень далеко отсюда, но уже практически рядом – это как посмотреть – двигалось огромное, неповоротливое всеядное чудовище – регулярная армия герцога Ария.

Чтобы не надеть глупостей, Эд расслабился, растекся по камню, на котором сидел. Иначе заскрипит зубами, начнет трястись. Он за собой такие вещи знал и давным-давно научился с ними справляться. Другое дело, что он-то сидел, а они-то надвигались. И, как очень скоро стало понятно – широченной дугой. От такой облавы не больно-то уйдешь. От нее, попросту – некуда бежать. Разве, в Камишер. Если и вправду придется спасаться в том направлении, одна надежда – Сашка. Пусть котяра по нехоженным тропкам ведет.

Да какая на него может быть надежда! – спохватился Эд. Лопух! Он же границу пересекал только в установленном порядке.

Пятки зудились совершенно нестерпимо. А внизу лейтенант и не думал идти, смотреть, как там его воинство.

Оставалось, сидеть и ждать ночи. Хорошо бы напрочь отключиться, а то рехнешься.

* * *

Дома его ждала убранная, светлая комната с альковом. За два, проведенных в университете года, Эд подзабыл, как оно прекрасно, побыть одному. Можно не напрягаться, можно позвонить и тебе все принесут. Не надо вскакивать в такую рань, что даже петухи еще спать не легли. Не надо трястись перед зачетом. Не триндит над ухом Ванька Пелинор. Не скребется у порога, мальчишка посыльный с запиской от очередной подружки. Последняя, кстати, была очень даже ничего. Эд сладко потянулся. Хотя это, наверное, не совсем нормально, если девушка раскрывает на ночь окно настежь, а потом орет под тобой благим матом. В первый раз он растерялся. Потом сообразил, так ее больше заводит. И что, что кошка? Зато горячая, гладкая и строптивая. К тому же все его фантазии она воплощала даже не с полуслова, с единой мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.